

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ФАКУЛЬТЕТ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

УСМАНХОДЖАЕВА АЗИЗА АБДУРАШИДОВНА

ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СТЕПЕНИ
МАГИСТРА

ФИЛОСОФСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО В КОРЕЕ

Специальность магистратуры: 5A22031- ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Научный руководитель:

Доктор философских наук,

профессор Ахмедова М.А.

Ташкент 2010-

Введение

Глава I. Возникновение просветительства и становление его основных направлений в Корее

1.1. Социально-экономическая обстановка во второй половине XIX и в начале XX веков и духовная жизнь в Корее.

1.2. Чжусианство и школы последователей Ван Ян-мина – предшественники просветительства в Корее.

1.3. Просветительство как социально-философское явление и его возникновение в Корее.

Глава II. Особенности философского просветительства в Корее

2.1. Влияние просвещения Запада на философскую мысль в Корее.

2.2. Особенности развития философии в духовной жизни Корее.

2.3. Развитие философских и общественно-политических взглядов просветителей.

Заключение

Список использованной литературы

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Президент Узбекистана И.А.Каримов в своем докладе на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2009 году и важнейшим приоритетам экономической программы на 2010 год, сказал: «Мы ставим перед собой цель – создать необходимые возможности и условия для того, чтобы наши дети росли не только физически и духовно здоровыми, но и всесторонне и гармонично развитыми людьми, обладающими самыми современными интеллектуальными знаниями, людьми, в полной мере отвечающими требованиям XXI века, в котором им предстоит жить и трудиться».¹ Осуществить данную цель без просвещения, просветительства невозможно. Поэтому проблема просветительства и истории его развития является очень актуальной для современного Узбекистана. В этом отношении интересен опыт не только нашей страны, но и других государств, с которыми Узбекистан поддерживает тесные дружественные связи. К числу таких стран относится Республика Корея, у которой богатая и интересная история развития просветительства, в частности, философского просветительства.

Близость народов Кореи и Узбекистана проявляется во многих аспектах, в частности, в истории и культурной жизни. Это, прежде всего, сходные черты национальных традиций. В обеих странах большое значение придается изучению и сохранению исторического, философского и общественно-политического наследия народа. Существует сходство социально-экономических и общественно-духовных проблем двух государств, которые можно решить только на основе взаимовыгодного сотрудничества и изучения наших стран. Корейская философия, в частности чжусианство,

---

¹http://www.bank.uz/publish/doc/text51690_doklad_prezidenta_respubliki_uzbekistan_islama_karimova_na_zasedanii_kabinetov_ministrov_po_itogam_2009_g.

охватывает широкий круг этих проблем в политическом, социально-экономическом, а так же в духовно-нравственном аспектах².

Все это обусловило выбор темы и актуальность темы нашего исследования.

Постановка проблемы исследования. В качестве научной проблемы взята проблема развития и особенностей философского просветительства в Корее во второй половине XIX и в начале XX веков.

Объект, предмет и цель исследования. Объектом исследования является духовная жизнь Кореи, ее философия, а также просветительство как социально-духовное явление. Предметом исследования стало философское просветительство Кореи во второй половине XIX и в начале XX веков.

Цель и задачи исследования: Раскрыть особенности формирования и развития философского просветительства Кореи, изучить факторы, под влиянием которых происходило его становление, а также его роль в общественно-духовной жизни страны.

Исходя из цели исследования, в диссертационной работе предполагается решить следующие задачи:

Дать характеристику социально-экономической обстановке в Корее во второй половине XIX и в начале XX веков, как основе для развития науки, культуры и возникновения просветительства.

Показать место чжусианства и школы последователей Ван Ян-мина в период просветительства.

Раскрыть сущность просветительства как социально-философского явления.

Показать влияние западноевропейских философов на духовную жизнь Кореи.

Раскрыть особенности философского просветительства в Корее.

---

² См.: И.А.Каримов «По пути безопасного и стабильного развития». –Т.: «Узбекистан», 1998. –С.57.

Гипотеза исследования. Формирование просветительства в Корее явилось закономерным результатом общественно-политического и духовного развития страны во второй половине XIX и в начале XX веков. Хотя его становление шло под влиянием западного просветительства, оно имело свои национальные особенности и играло существенную роль духовной жизни страны.

Теоретическая и методологическая основа диссертации:

Методологической основой диссертационного исследования послужили труды И.А.Каримова, содержащие концептуально-теоретические положения об изучении духовности, в частности философского наследия народов Востока. Это такие работы, как «Наука должна служить прогрессу», «Без исторической памяти нет будущего», «Узбекистан по пути углубления экономических реформ», «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса», «Узбекистан, устремленный в XXI век», «Высокая духовность – непобедимая сила», «Конституция Узбекистана – прочный фундамент нашего продвижения на пути демократического развития и формирования гражданского общества», Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2009 году и важнейшим приоритетам экономической программы на 2010 год, «Модернизация страны и построение сильного гражданского общества – наш главный приоритет» и другие. Для создания теоретической базы диссертации были изучены труды по истории Кореи, корейской философии, просветительству как социально-духовному и культурному явлению и другие работы, связанные с темой научного исследования, такие как: "Корея и философия во втором тысячелетии", «Просветительство в Корее» В.И. Ивановой, «Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма» Г.Д.Тягай. В работе также учтено общественно-духовное развитие современной Республики Корея.

Степень разработанности темы: Изучению корейской философии посвящено немало трудов зарубежных и отечественных ученых. Среди корейских учёных, внесших вклад в изучение чжусианства на территории Кореи можно назвать Чон Чин Сок, Чон Соль Чколь, Кин Чхан Вон и многих других. Среди отечественных учёных огромный вклад внес Хан Валерий Сергеевич, издавший книги на русском, узбекском и английском языках. Так же стоит упомянуть о таких видных деятелях как Анатолий Михайлович Ушков, Галина Дмитриевна Тягай и Ким Герман, которые издавали свои работы в России и Казахстане. Они являются профессиональными исследователями корейской философии и общественной мысли.³

Методы исследования. В основу исследования легли историко-философские принципы и конкретно-философский анализ проблемы. Работа написана на основе исторического, логического, аналитического, сравнительного, описательного, индуктивного и дедуктивного методов научного познания.

Научные и литературные источники. Основными источниками послужили работы В.Хана «Корейская философия», В.И.Ивановой «Просветительство в Корее и творчество Ли Инджика», В.С.Хана «К вопросу о единстве и разнообразии корейских диаспор» и другие.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, из двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Основные идеи диссертации опубликованы в статье «Просветительство и его распространение в Корее» в сборнике научных трудов Ташкентского

---

³ См.: История философии. Т.5. -М., 1961. –С. 844-850; Ушков А.М. Некоторые вопросы истории философской мысли в Корее эпохи феодализма. – «Вопросы философии», 1962, № 5. –С. 106-115; Философская энциклопедия. Т.3. -М., 1964, статья «Корейская философская и общественная мысль»; Философская энциклопедия. Т.1. -М., 1960, статья «Ан Хян»; Философская энциклопедия. Т.2. -М., 1962, статья «Квон Гын», «Ким Си Сып»; Философская энциклопедия. Т.3. -М., 1964, статья «Ли Й», «Ли Икю», «Ли Сэю», «Лю Хён Вон», «Ли Хван»; Ушков А.М. Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. -М., 1982; Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. -М., 1971; Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. -М., 1983.

государственного института востоковедения.

ГЛАВА I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА И СТАНОВЛЕНИЕ

ЕГО ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В КОРЕЕ

1.1. Социально-экономическая обстановка во второй половине XIX и в начале XX веков и духовная жизнь в Корее.

Во второй половине XIX века мировой капитализм уже вступил в период постепенного перехода от промышленного капитализма свободной конкуренции к высшему этапу своего развития – империализму. Это было время острой борьбы между капиталистическими странами за захват чужих территорий в качестве источников сырья и рынков сбыта, в качестве сфер приложения капитала и военных баз для агрессии против других народов. Наряду с общим усилением агрессивной политики капиталистических государств в отношении отсталых стран Востока агрессоры искали случая, чтобы захватить Корею, и с этой целью шли на всякого рода уловки и махинации. Корея того времени все еще была отсталой, феодальной аграрной страной.

Начиная со второй половины XVII века вместе с ростом товарно-денежного хозяйства, как бы медленно ни проходил этот процесс, кризис постепенно охватил и сами основы феодальной системы. Но, несмотря на то что к началу XIX века противоречия феодального строя проявились в полной мере, вплоть до 70-х годов XIX века Корея представляла собой феодальное общество, в котором господствовало экономически обособленное натуральное хозяйство. Элементы капитализма, возникавшие в недрах феодального общества того времени, находились еще в состоянии крайней слабости и не могли привести к формированию новых производственных отношений.

Реформы внесли в значительной степени изменения в социальную структуру корейского общества, которое характеризовалось следующим образом. Высшее, привилегированное сословие традиционно образовывало гражданское и военное чиновничество - янбаны,

делившиеся на столичных и провинциальных. С янбанским сословием были связаны существенные привилегии и преимущества, официально признанные за ними, но на практике, янбаны с течением времени стали пользоваться значительно более широкими правами и в конце концов сделались всесильными. К привилегиям янбанского сословия относилось прежде всего освобождение от воинской и натуральных повинностей, а до 1872 г. также от уплаты подушной подати. Не только личность янбана, но и его жилище были неприкосновенными

Отсталость феодального хозяйства находила свое проявление, как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве и торговле. Потребность в предметах, необходимых в повседневной жизни людей,

удовлетворялась почти исключительно кустарным производством сельской семьи, которая была экономически самодовлеющей единицей. Большая часть и без того немногочисленных городских ремесленников, находившихся в ведении и подчинении центральных и местных государственных учреждений, была занята главным образом производством предметов роскоши для дворянского сословия, и ремесленное производство страны вплоть до второй половины XIX века еще не могло превратиться ни в мануфактурное, ни в современное фабричное машинное производство. Примерно аналогичным было и положение в торговле. Развитие внутренней торговли вплоть до второй половины XIX века также протекало крайне медленно; для торговцев, как и для ремесленников, еще не было объективных условий, необходимых для превращения их в буржуазный класс.

Подобные условия вплоть до 1860 года определяли тот факт, что Корея по-прежнему оставалась отсталой феодальной страной. Корея того времени представляла собой типичное феодальное общество, в котором противостояли друг другу два класса – крайне малочисленный дворянско-

бюрократический и помещичий класс, монополизировавший государственную власть, владевший большей частью земли, жестоко эксплуатировавший и угнетавший крестьян, и класс простолюдинов-крестьян, почти лишенных земли, эксплуатируемых дворянско-бюрократическим, помещичьим классом и составлявших подавляющее большинство бесправного населения. Янбани-помещики представляли собой господствующий эксплуататорский класс, крестьянство – подвластный эксплуатируемый класс.

Внутри страны господствовавший дворянский класс и ее первый дворянин – король усиливали угнетение и эксплуатацию народа. Так, политика временщиков и усиление эксплуатации со стороны поземельной и военной администрации, а также чиновников, ведавших зерновой ссудой, привели в начале XIX века к еще большему обнищанию народных масс.

В подобной обстановке народные массы, выступая против гнета и эксплуатации феодалов-янбаней, чиновников и помещиков, поднимались на борьбу за улучшение своей жизни, за коренное изменение положения своей родины.

В 60-х годах XIX века вспышки классовой борьбы народа заметно участились, борьба расширилась. Начиная с крестьянского восстания в уезде Чиньчжу, за период с 1862 по 1863 год произошло более двадцати выступлений. Подобные крестьянские восстания затем переросли во всенародную крестьянскую войну 1894 года. Наряду с обострением противоречий феодального общества началось открытое вторжение иностранного капитала. Такова была социально-экономическая обстановка в Корее 60-х годов XIX века.

Однако бездарные правители-янбани вместо настойчивого проведения такой политики, которая поставила бы страну на капиталистический путь общественного развития, накрепко закрыли двери страны и сделали

предметом своих особых забот сохранение феодального режима. В такой обстановке захватчики из Европы и Америки делают первые попытки развязать агрессию, начало которой было положено в 1866 году Соединенными Штатами. Но народ сорвал их замыслы.

В то же время Япония, которая ранее Кореи покончила с политикой затворничества и начала приобщаться к современной капиталистической цивилизации, смело осуществив в 1868 году буржуазные преобразования, известные под названием «Революции Мэйдзи», являлась единственной страной на Востоке, вставшей на путь капиталистического развития. Заключением в 1876 году так называемого Канхваского договора, известного также под именем «Договора о дружбе и согласии между Японией и Кореей», Япония положила начало своей агрессии в Корее⁴.

Со времени открытия морских портов феодальной Кореи для торговли с Японией постепенно начали свое агрессивное проникновение в страну и другие капиталистические державы. В связи с нарастанием темпов разложения феодального строя, уже переживавшего внутренний кризис, вызванный ростом товарно-денежных отношений и вторжением извне сил капитализма, корейское общество постепенно начало превращаться в полукOLONиальное общество.

И вот в то время, когда в Корею вторгались силы иностранного капитализма, и прежде всего японского капитализма, когда страна стояла перед лицом кризиса, представлявшего угрозу самой ее судьбе, корейский народ развернул против японского империализма и его наймитов партизанскую борьбу, которую вела Армия справедливости.

Крестьянские выступления, следовавшие одно за другим, и вспыхнувшая в 1894 году крестьянская война поставили феодальный господствующий класс перед неизбежностью проведения внутривполитических преобразований, известных под названием «реформ года кабо». И хотя

4

эти преобразования отвечали агрессивным замыслам японского капитализма, который поощрял их и оказывал помощь в их практическом претворении в жизнь, однако по сути своей «реформы года кабо», будучи в известном смысле отражением насущных требований корейского народа, являлись буржуазными реформами, находившимися в какой-то мере в соответствии с общим направлением объективного развития корейского общества. В конечном итоге они отвечали устремлениям корейского народа.

В Корее до конца XIX века существовала традиция двух культур. Верхи были воспитаны на традициях неоконфуцианства и во многом были китаизированы. Древнекитайский был единственным языком бюрократии и высокой культуры, а владение древнекитайским было знаком принадлежности к элите (примерно как владение французским в России начала XIX века). Крестьянство же древнекитайским не владело и во многом сохраняло свои оригинальные традиции и жизненный уклад. Но грань между "двумя культурами" в Корее была не очень четкой.

В таких сложных экономических и социально-политических условиях развивалась духовная жизнь Кореи второй половины XIX – начала XX века.

Реформы, осуществляемые в стране, объективно оказали положительное влияние на ход развития корейского общества на данном этапе и способствовали прогрессу науки. Передовые естественнонаучные представления и буржуазные социально-политические взгляды, проникали в страну вместе с западноевропейскими товарами, они явились именно тем, что привело к историческому перелому в идеологическом развитии того времени. Другими словами, на смену средневековым естественнонаучным представлениям, на смену астрологии и алхимии, которые опирались на представления о светлом и темном началах пяти космологических стихий, в Корею пришли и начали усиленно

распространяться передовые западноевропейские естественнонаучные идеи, философия английского позитивизма, социально-политические взгляды идеологов французского Просвещения. После реформ 1894 года при новом правительстве составлялись и издавались новые учебники, вынашивались планы усвоения новой науки, систематически внедрялись передовая европейская наука и техника. Наряду с этим функционировали курсы по изучению европейских языков. Тем самым было положено начало современному научному образованию в масштабах всей страны.

В этот же период начинает формироваться и распространяться буржуазное просветительское движение и философская мысль, которые ставили своей целью проведение буржуазных социально-экономических преобразований в стране.

В последний период правления династии Ли образцы замечательных материалистических философских идей, в которых основным звеном также выступало материальное начало «ки», были продемонстрированы Чхве Хан Ги (1808–1873) – ученым, который в основу своих взглядов положил широко воспринятое им западноевропейское естественнонаучное знание.

Основываясь на глубоких естественнонаучных познаниях и учитывая социальные противоречия и характер национального кризиса в тот период, он создал замечательную оригинальную философскую доктрину, являющуюся отражением интересов прогрессивных неимущих разночинных слоев городского населения того времени. У него было много друзей среди простого городского люда. Так, он был другом выходца из простолюдинов известного географа Ким Чон Хо. Философские идеи Чхве Хан Ги явились отражением зарождавшейся буржуазной идеологии. Сам он происходил из дворянской семьи и дослужился до чиновничьих рангов – «тхончон» и «чхомчи». Он был не только философом, но и широко образованным ученым. Его

энциклопедические познания простирались в области астрономии, географии, физики, математики, психологии. Количество его произведений превышает тысячу тетрадей. Среди них – несколько сотен тетрадей его «Полного собрания сочинений Мен Нам Ру», в котором изложено все то, что он в силу своих многогранных запросов почерпнул в самых различных отраслях передовой западноевропейской науки, а также пять тетрадей его основной философской работы «Предположения относительно «ки» и суть субстанции». Последняя работа включает две тетради, посвященные решению онтологических проблем и озаглавленные «Взаимоотношение духа и «ки»», и три тетради, посвященные гносеологическим проблемам – «Запись соображений относительно умозаключений».

«К тому факту, что Чжоу-гун и Конфуций стали наставниками многих поколений, никакого отношения не имеют ни их почетные титулы, ни их внешний облик. Тем более никакого отношения к этому не имеет то, как, когда и где они жили, какую носили одежду и какого образа жизни придерживались. Все дело фактически в тех руководящих началах и принципах, которые они выдвинули, в разработанной ими этике, в предложенном ими пути самоусовершенствования и ведении государственных дел. Причина того, что они являются учителями поколений, заключается в том, что их потомки, принимая во внимание различие эпох, определяя пределы правильного и неправильного, разрабатывая далее их принципы и соответствующим образом исправляя их, учились у них, восприняли их наказ о том, как необходимо вести себя. «Если бы последующие поколения, для которых Чжоу-гун и Конфуций были наставниками, изучали только то, что было предначертано Чжоу-гуном и Конфуцием, – заявлял Чхве Хан Ги в предисловии к своему сочинению «Предположения относительно «ки» и суть субстанции» о том, что в новых исторических условиях уже нельзя держаться за

устаревшие догмы Конфуция и Чжоу-гуна, – как же в таком случае можно было бы свершить то, что не могло быть ими предусмотрено? Государственное устройство, обычаи и нравы теперь уже не те, что прежде. Постепенно, в ходе веков законы вещей становятся все более доступными потомкам. И разве не лишен гибкости тот, кто защищает лишь бранные останки Конфуция и Чжоу-гуна, добиваясь усвоения их принципов? Если это не так, то разве прибавляет гибкости осведомленность в учении Чжоу-гуна и Конфуция?»⁵

Свою твердую веру в материалистическую философию он выразил следующим образом: «В общем и целом возникновение всего сущего земли и неба обязано превращениям «ки». Содержание «ки» благодаря опыту поколений постепенно становится все яснее; смолкли споры, поскольку те, кто изучал проявления разумного начала, открыли определенные нормы, а те, кто занимался нормами поведения, пришли к согласию. Все это уже почти не вызывает сомнения. Поэтому, разбирая сущность «ки», я излагаю взаимодействие духа и «ки», а исследуя функции «ки», излагаю соображения относительно умозаключений»⁸¹. Другими словами, с дискуссиями, по мнению Чхве Хан Ги, покончено, так как подлинная сущность материального начала «ки», выступающего как источник мира, выяснена в ходе развития науки. Философ изложил в обобщенном виде свои соображения о взаимодействии материального начала и духа, а также об умозаключении, поскольку в этой области выработаны определенные нормативы, носящие общепринятый характер. «Все, что наполняет Вселенную и содержится во всем сущем, что концентрируется и рассеивается или не концентрируется и не рассеивается, не может быть не чем иным, кроме «ки». До моего появления на свет во Вселенной существовали лишь «ки», в момент моего

---

⁵ История Корейской философии. –М., 1966.

рождения «ки» сразу же составили мою телесную форму, а после смерти моей они снова превращаются в «ки» Вселенной. «Ки» Вселенной, – писал Чхве Хан Ги в плане основного вопроса философии, – долговечны и значительны по размерам, «ки», составляющие телесную форму, невелики и недолговечны, преходящи» .

Таким образом, рассуждая о том, что мир – всего лишь беспредельное в пространственном и временном отношении «ки», мыслитель истолковывал конкретное материальное начало как нечто способное рассеиваться и концентрироваться, как «ки», заключенное в телесную оболочку. К тому же это было рассуждение о том, что человек так же сформирован из материального начала «ки».

«Движение самопроизвольно несет в себе покой, покой – движение... Покой не исчезает даже во время движения (относительность покоя), так же как и движение можно проследить в период покоя (абсолютность движения); покой и движение могут быть поняты только в связи друг с другом.

Движение он понимал как нечто неотделимое от материи; для него движение и покой находятся в диалектическом единстве.

Оправданным было и его толкование абсолютности движения и относительности покоя. «Хотя измерение солнечной тени в какое-либо время дня с помощью специальных приспособлений и подобно определению движения через покой, все же если исходить из учения о движении земного шара,– указывал Чхве Хан Ги,– это представится измерением одной скорости движения через другую, более высокую скорость движения».

В его гносеологических воззрениях получило свое объяснение единство чувственного и рационального этапов познания. «Разве можно было бы

постигнуть хоть что-нибудь, проверить что-либо на опыте, отбросив все те ощущения, которые мы получали через уши, глаза, рот, нос и конечности? К тому же даже при наличии всех этих ощущений весь опыт целой жизни, все услышанное и увиденное каждый раз пришлось бы воспроизводить заново, если бы не существовало памяти и того, что накоплено опытом».

В художественной литературе этого периода, получившей название «синсосольт» («новая повесть») утверждается новый идеал – «идеал цельного человека, сильного своими знаниями, а не конфуцианскими добродетелями». Широкое распространение получает политическая повесть. На основе новой литературы появляется и новая драматургия, близкая к драматическому европейскому театру. В песенном искусстве начинается соединение корейских стихов с западной музыкой.

Возникают многочисленные просветительские организации: «Общество самоуправления» («Чаганхве», 1906), «Общество друзей западного учения» («Соухакве», 1906), «Общество изучения увлекательных наук» («Хынхакве», 1907) и др. Появляются школы, основанные иностранцами для подготовки переводчиков: английская (1883), японская (1891), немецкая (1892), русская и французская (1896).

Социально-экономические и политические обстоятельства поставили перед идейным течением сирхак задачу разработать гуманистическую программу преобразования общества. В условиях конфуцианской позднефеодальной Кореи схожие с западноевропейским Просвещением идеалы прослеживаются в платформе просветительского движения кэмонь ундонь, основанной на сирхакском подходе к просвещению масс.

Передовые круги корейского общества выступали за синтез богатейшего национального наследия и элементов европейской культуры. У истоков кэхва ундонь стояли Пак Кюсу (1807 – 1877 гг.), О Гёнсок (1831 – 1879 гг.) и многие другие последователи сирхак. Они осуждали господствующий класс

и власти страны за бездеятельность, неспособность определить судьбу родины и призывали открыть путь буржуазно-демократическому развитию Кореи по японскому образцу. Труды идеологов кхва ундонь составляли ядро антифеодальной научно-политической мысли, послужившее базой для развертывания просветительского движения, содействовавшего переходу страны от феодализма к капитализму.

90-е годы отмечены активизацией просветительского течения кэмонь ундонь в самых различных сферах жизни, его идеалом стали «просвещенная монархия и цивилизация», под которыми подразумевалось все европейское и японское; традиционная культура воспринималась как консервативная и отсталая. Для представителей просветительского движения был характерен буржуазно-прагматический подход к пониманию своей роли. Они ставили своей целью способствовать усвоению корейским обществом материальной культуры европейского мира, и лишь самые дальновидные его участники осознавали, что западная цивилизация включает также широкую сферу философии, искусства, морали и политических взглядов.

Угроза колониальной агрессии против Кореи сделала необходимой консолидацию нации на новой, буржуазно-националистической, основе. Без широкого просвещения народа и распространения идеи о создании сильного современного государства решить эту задачу было невозможно, поэтому просветители призывали поставить достижения европейской и японской культуры на службу своей нации и укрепить суверенитет корейского государства. Одним из важных аспектов их деятельности стала борьба за широкое развитие внешних связей с Японией и западными державами. Подавляющее большинство участников кхва ундонь и кэмонь ундонь, будучи верными адептами монархии, выступали за введение конституционной формы монаршьего правления; для них было характерно стремление не допускать революционных выступлений народа и решать все проблемы мирным, эволюционным путем. Они ратовали за просвещение и

реформы «сверху», их идеология стала орудием в борьбе за устранение препятствий на пути развития буржуазных отношений.

Противостояние прогрессивных мыслителей и представителей консервативного движения «виджон чхокса» развивалось в сложных внутривнутриполитических и международных условиях. Осознавая необходимость модернизировать корейское общество и обеспечить его защиту перед нарастающей угрозой колониального вторжения, кэхва и кэмонь ундонь разработали программу конкретных реформ, которая могла бы расчистить дорогу для становления в стране буржуазных отношений. Идеалом новых сил становятся капиталистические страны Запада и стремительно развивающаяся Япония.

Таким образом, в конце XIX в. зарождаются радикальные элементы, опирающиеся на массовую деятельность просветительских организаций; проводятся митинги и демонстрации с требованием буржуазно-демократических свобод. Основные идеалы политических и экономических реформ разработали Хон Ёнрик (1855 – 1884 гг.), Пак Ёнхо (1899 – ? гг.), Со Гванбом (1859 – 1897 гг.), Со Джэпхиль (1864 – 1951 гг.). На волне демократического движения в декабре 1884 г. реформаторы во главе с Ким Оккюном (1851 – 1894 гг.) пришли к власти, но их триумф длился лишь несколько дней, и феодальная реакция взяла реванш, изгнав сторонников кэхва ундонь из правительственных органов и столицы. Но даже находясь в ссылке, реформаторы не прекращали просветительской деятельности и подготовки преобразований. Процесс дальнейшей консолидации корейской нации на рубеже XIX – XX вв. непосредственно связан с их активностью. Идеология и практическая работа кэхва и кэмонь ундонь способствовали пробуждению национального самосознания, стали стимулом идейного возрождения корейского народа в период борьбы с японскими колонизаторами.

Корейское просветительское движение не было однородным. В нём можно выделить прояпонскую, прокитайскую и проевропейскую ориентации.

Среди ранних просветителей необходимо отметить Ким Ок Кюна (1851–1894), лидера движения «Кэхва ундон» (движение за реформы), участника антиправительственного заговора 1884 г., преследовавшего целью смену ориентированного на Китай правительства и проведение реформ. Причину упадка страны Ким Ок Кюн видел в произволе янбанов. В одном из писем королю он пишет: «Сейчас все пришло в упадок. В чем причина этого? В произволе янбанов, и только. Если народ производит изделия, то чиновники его беспощадно грабят, а если народ в поте лица заработает немного денег, то чиновники тотчас их отнимут... Необходимо проводить такую политику, при которой были бы ликвидированы корни этого зла, в противном случае государство придёт в упадок».

Для модернизации страны, как считал Ким Ок Кюн, необходимо установить дружественные отношения с Европой и США, упразднить привилегии дворянства, приобщить людей к знаниям, открыть широкую дорогу конкурентной торговле. Ким Ок Кюн и его соратники открывали новые школы, где основное внимание уделялось математике, истории и иностранным языкам, а не конфуцианским текстам; переводили и распространяли научно-техническую литературу; издавали газету, где публиковались географические сведения, исторические и экономические очерки о зарубежных странах.

Одним из лидеров просветительского движения является известный мыслитель и публицист Пак Ын Сик (1850–1926).

Мыслитель отдаёт отчет в необходимости перемен. С его точки такой подход согласуется с всеобщим законом развития. «Закон всего сущего («ли»), - пишет он, - состоит в том, что всё существует в течение определённого времени, а затем стареет, всё рождается и умирает, хотя законы поднебесного

мира благородны и справедливы и способны действовать на протяжении длительного времени, они в конечном счете не могут не прийти к своей гибели; их гибель приносит вред, который может быть значительным или незначительным, но им не возродиться вновь».

Пак Ын Сик остается ещё на конфуцианских позициях. Однако, он считает, что корейское неоконфуцианство отошло от истинной сути учения Конфуция и нуждается в серьёзном реформировании. Он указывает на три основных недостатка корейского неоконфуцианства, которые необходимо исправить: «Во-первых, дух конфуцианства сводится целиком и полностью к монарху как средоточию всего, дух конфуцианства абсолютно лишён народного характера. Во-вторых, - курс на изоляцию. Как нечто самодовлеющее конфуцианство носит такой характер, который отрезает ему все пути распространения в мире. В-третьих, корейские конфуцианцы погрязли в схоластическом пустословии и доктринёрстве, будучи не в состоянии заняться исследованиями в области конфуцианского учения, которое носило бы лаконичный, ясный и практический характер». Требуя реформировать конфуцианство, мыслитель приводит параллели с Мартином Лютером и Реформацией, положившими конец «мраку» средневекового католицизма Западной Европы.

Реформирование конфуцианства Пак Ын Сик видит на путях соединения с учением Ван Ян-мина. Так, он пишет: «Дух – повелитель моего «Я», основа всего. Не вызывает никакого сомнения, что всякий раз, стоит только появиться желаниям, душа раскрыта желанию, если оно злое. Несомненно, что, если душа озарена внутренним чистым светом, нет колебаний относительно одобрения или порицания мира, нет сомнений в практической значимости вещей и явлений мира».

Главным направлением реформ в Корее мыслитель считает просвещение, реформу системы образования, развитие науки. Именно в знаниях он видит движущую силу общества. В своей статье с примечательным названием

«Разве возможна жизнь, если образование переживает упадок» он пишет: «Если говорить о причинах процветания и упадка наций на земном шаре, о причинах появления и исчезновения государств, то встает вопрос – что же дало им жизнь, что убило их. Безусловно, всё это является результатом расцвета и упадка знаний, усилением и ослаблением их влияния».

Другими известными представителями просветительской идеологии являлись Син Чхэ Хо (1879–1936) и Чу Си Ген (1876–1914). Син Чхэ Хо большое значение придавал изучению национальной истории. Если отбросить историю, то и государство не будет важным в глазах нации. Изучение истории нации важно и для воспитания населения в духе патриотизма. Однако, патриотизм мыслитель понимал не просто как чувство любви к стране, в которой родился и вырос человек. К патриотизму необходимо подходить с исторических позиций. Патриотизмом является лишь преданность к государству, которое обеспечивает права своего народа. Син Чхэ Хо являлся активным участником национально-освободительного движения за независимость. За свою деятельность он был арестован и погиб в японской тюрьме.

В конце XIX – начале XX вв. появляется ряд просветителей (Ли Бон Ун, Ю Гиль Чжун, Ким Хи Сон, Чу Си Ген), чья деятельность была направлена на изучение родного языка. Чу Си Ген, филолог, получивший европейское образование выступил с программой унификации корейской письменности и её распространения, тем самым выступив против конфуцианства, основанного на китайской письменности, и японизации, проводимой оккупационными властями. Если говорить о собственно философских взглядах Чу Си Гена, то в их основе лежит учение о едином, понимаемым как материальная субстанция. «В беспредельно обширной, не имеющей ни низа, ни верха, ни центра, ни края бесконечной Вселенной, - пишет Чу Си Ген, - присутствует наполняющее и всё пронизывающее единое; оно не возникает и не исчезает, у него нет ни начала, ни конца. Ему обязана своим

возникновением каждая из бесчисленных вещей Вселенной. Согласно единому, вещи обладают своими природными качествами, оно – начало и основа всего сущего. Единое можно назвать естественным законом природы, небом, высшим началом – оно включает всё».

Чхве Хан Ги критиковал и рационалистов, предававших забвению ощущения, и эмпириков, игнорировавших логический процесс познания. «Последователи школы Ван Ян-мина, специально занимающиеся учением об интуиции, рассматривают органы чувств и ощущения как нечто низкое, недостойное внимания. Последователи даосизма, размышляющие о том, что все происходит согласно природе, и игнорирующие чувственный опыт, считают, что зрение и слух воспринимают энергию. И те и другие поступают, как слепые и глухие. Медицинская литература связывает даже недуги, проникающие в человека извне, с внутренними органами и кровеносной системой. Гадательные книги предсказывают бедствия, успехи, долголетие или раннюю кончину, увязывая это с внешним видом и состоянием человека. И тому и другому не удалось избежать пороков»⁸⁶.

Чхве Хан Ги занимал к тому же атеистические позиции. «Разговоры о посмертно существующей душе – религиозные домыслы. Существует ли посмертное воздаяние за дела и слова в этой жизни? Как мы можем узнать после смерти, что житейские установления живут вечно? Подобное возможно только в этой жизни»⁸⁷. «Тело человека – своего рода машина. Материальная суть его входит в соприкосновение, взаимодействует с тем, что находится вовне. Уши, глаза, рот, нос, руки, ноги, голова и туловище – все это орудия, находящие свое применение. Уши – это трубки, воспринимающие звук; рот – естественный инструмент принятия пищи; нос – орган, сортирующий запахи; руки – орудия хватания; ноги – средства передвижения; голова венчает человека. Туловище

облачается одеждой, глаза координируют все другие органы человеческого тела, исполняющие свои функции»⁶.

Общественно-политические взгляды мыслителя становятся ясными из следующего его фрагмента: «Почитание единой власти существует во имя мира и благополучия семьи, государства, всей поднебесной. Если же миру и спокойствию не уделяется должного внимания, то преклонение перед властью монарха становится почитанием гнилого, уходящего в прошлое авторитета, а если к тому же делу мира и спокойствия наносится вред, это будет скорее уже почитание недругов»⁸⁹. Более того, преклонение перед властью монарха выступало у него как средоточие подчинения высшей естественной необходимости, которое в свою очередь включало в себя как норму идеи мира и спокойствия, а мир и спокойствие в соответствии с «небесным», естественным законом обеспечивают необходимые благоприятные возможности для человеческой деятельности. Другими словами, философ считал, что наше почтительное поклонение монарху является причиной того, что он правит государством в мире и спокойствии, а если мир и спокойствие окажутся нарушенными, то это будет скорее на руку «врагам государства». В исторических условиях того времени это было довольно смелое утверждение. Основными нормами должного управления государством Чхве Хан Ги считал изучение естественных закономерностей и применение достигнутого в интересах практических потребностей людей. Его мысль о том, что мир и благополучие страны зависят от того, насколько хорошо используются природные богатства, являлась логическим выводом из его естественнонаучных познаний.

Когда же из всех этих учений будет воссоздано одно, истина станет ясней, люди совершеннее»⁹⁰. Подобные заявления Чхве Хан Ги отмечены печатью сожаления. В то время, когда склоки партийных клик

6

прикрывались ширмой науки, когда единственно достойным научным занятием признавались бесполезные схоластические дискуссии, когда ни для кого уже не были секретом и посягательства внешнего врага и разорение страны, подлинные ученые выступили с призывами как можно быстрее положить конец всему этому.

Таким образом, возникновению новых философских идей и просветительского учения во второй половине XIX и начале XX века способствовала социально-экономическая ситуация в стране и необходимость осуществления прогрессивных социальных реформ. Социальной основой просветительского движения явилось возникновение мануфактур и рост национального капитала, а целью идеологов-просветителей было устранение препятствий на пути товарного производства и свободного накопления капитала. Эти факторы и обусловили антифеодалную направленность просветительского движения.

Патриотический же характер просветительского движения объясняется тем, что в ходе развития движения было высоко поднято знамя борьбы против проникновения японского капитала в экономику Кореи, против захватнической политики Японии. Классовой базой просветительского движения служили только что появившаяся на свет национальная буржуазия и передовые слои дворян-либералов.

Идеи свободы и -демократии, нашедшие свое проявление в просветительском движении, по существу своему отражали требования товарного производства, а объективно направленное на защиту национального капитала культурно-просветительское движение знаменовало собой разрыв с феодальной идеологией.

Одним из важнейших истоков философских и социологических взглядов идеологов Просвещения были идеи школы XVII–XVIII веков «сирхак», у которой они унаследовали элементы патриотизма и реалистического подхода к действительности. Кроме того, выражая свои взгляды, они

использовали практический характер, лаконичность и четкость логики учения Ван Ян-мина, а также отдельные научные положения западноевропейской буржуазной философии.

Однако характерной особенностью, присущей всем просветителям Кореи, являлся отказ от чисто философского спекулятивного мышления, искренние попытки каждого из них определить грядущие пути нации и государства, исходя из собственных оригинальных философских и социологических положений, получивших развитие в их творчестве.

Корея – одна из немногих стран с практически однородным в национальном отношении населением. Такая исключительная однородность способствует сохранению многих национально-культурных и бытовых особенностей. Как и всякая другая восточная страна, Корея имеет собственное лицо, ярко выделяющееся даже на фоне общей дальневосточной культурной традиции. Неповторима и разнообразна её природа, растительный и животный мир, богаты ресурсы, славится Корея удивительно радушными и трудолюбивыми людьми, не утратившими дружелюбия даже в беспрестанной борьбе за национальную независимость и выживание своей культуры и государственности. Видимо поэтому до наших дней дошли самобытные традиции корейцев, сохранили свою уникальность их язык, верования и обычаи. Для человека, впервые столкнувшегося с этим новым миром, характерно стремление сопоставить его с привычными и хорошо знакомыми представлениями, но сопоставления эти далеко не всегда возможны или даже уместны.

Корея является одним из древнейших очагов дальневосточной цивилизации, её культура поражает своим разнообразием и самобытностью, в то же время многовековая история корейской нации представляет собой неотъемлемую часть всемирного процесса становления и развития мировой культурной сокровищницы. Многие характерные для сегодняшней Кореи особенности и черты своими корнями уходят в далекое прошлое, и чтобы понять их,

необходимо заглянуть в историю самобытной корейской нации и её культуры.

Природа не обделила страну благоприятными условиями. Сказочно красивы её горы, которые выглядят как только что сошедшие с картин восточных живописцев. По ущельям и нешироким долинам сбегает ручьи и речки, выходящие на равнины широкими полноводными реками. Хрустально чистая вода стремительными водопадами низвергается со скальных выступов, бьется о камни, и в солнечные дни над водопадами всегда можно увидеть многоцветье радуги. Большую часть полуострова занимают покрытые лесами горы. Люди научились ценить величие и гармонию окружающей их природы. Живописные пейзажи и на протяжении веков вдохновляют творческие силы корейской нации.

Корейская природа так же коварна, как и благодатна. Муссонный климат в целом благоприятен для сельского хозяйства, но он оборачивается избыточным переувлажнением почвы в сезон дождей, паводками и наводнениями. Горы в своих недрах таят щедрые дары, но в то же время являются и самой главной проблемой Кореи. Испокон веков, будучи аграрной нацией, корейцы всегда должны были компенсировать острую нехватку сельскохозяйственных угодий, чтобы жить в достатке им приходилось возделывать и лелеять каждый пригодный для пахоты клочок земли. Современное состояние корейской земли – это результат кропотливой землеустроительной работы многих и многих поколений, которые целенаправленно меняли облик своей родины, сопротивлялись природным стихиям, создали общенациональную ирригационную систему, с тем чтобы защитить посевы и морское побережье от наводнений, засухи, свирепых тайфунов.

Но не только природа на протяжении тысячелетий испытывала стойкость корейского народа. Прошлое страны насыщено драматическими и подчас

трагическими событиями. Корея с ранних времен была объектом притязаний могущественных соседей, она подвергалась нашествиям древних китайцев, монгольских племен, неоднократно страдала от японских агрессоров. Становление корейской нации проходило в условиях постоянной угрозы вторжения, что также предопределило пути развития её своеобразной культуры. От первобытных племен и через протогосударственную традицию Древнего Чосона, раннефеодальную междоусобицу Когурё, Пэкче и Силла корейцы пронесли идею национально-культурной общности и воплотили её, создав в X в. государство Корё. К этому времени сформировалась и сама нация с определенной территорией, языковым и культурным единством. Следующим этапом государственного и культурного развития корейцев становится период Чосона (конец XIV – начало XX в.). Чтобы защититься от иностранных посягательств, власти Кореи в первой трети XVII в. избрали путь внешнеполитической изоляции, более двух столетий страна поддерживала дружественные связи лишь с Китайской империей, допуская торговлю с Японией. Однако это лишь замедлило колонизацию Кореи, могущественные западные державы уступили право поработить её Японской империи. Первая половина XX в. – самый драматический этап национальной истории, связанный с колониальным владычеством японцев, но и после его крушения вплоть до наших дней многострадальный корейский народ не залечил своих ран. Противостояние двух мировых систем раскололо нацию на два враждебных лагеря, лишь на рубеже нового тысячелетия наметилась реальная перспектива её воссоединения.

В задачи данного пособия входит определение общих тенденций в развитии духовной культуры корейской нации на материале тех её сфер, где они проявляются наиболее отчетливо: общественно-политическая мысль, научно-техническое знание, образование, зрелищное искусство, изобразительное искусство и архитектура, прикладные народные ремёсла. Специфика раннего этапа развития корейской культуры потребовала от нас максимально

сосредоточиться на материальной культуре древней Кореи, последующие этапы описаны преимущественно на основе культуры духовной. Такие базовые элементы материальной и бытовой культуры корейцев, как питание, жильё, одежда, кратко рассмотрены во введении, поскольку они в большем объеме изучаются в ходе курса этнографии страны.

Вся многовековая история Кореи – это история создания и развития замечательной национальной культуры. Культурные ценности корейского народа имеют непреходящее самостоятельное значение, в то же время ошибочно было бы отрицать несомненную общность культурного комплекса всех стран дальневосточного региона. Материальная и духовная культура Кореи в своих общих основах возростала на почве более древней китайской культурной традиции. Раскинувшиеся на огромном пространстве и различающиеся по размерам, географическим и климатическим условиям страны Восточной и Центральной Азии опирались на общие мировоззренческие и философские традиции, их народы стремились постичь окружающий мир в единстве и многообразии его природных особенностей. Здесь, на востоке Азии сложилось особое отношение к природе как к объекту особого типа созерцания, способствующего постижению человеком самого себя, обретению душевной гармонии и постижению законов бытия. Стремление к достижению гармоничной связи между природой и человеком способствовало становлению особого типа материальной культуры и привело к формированию своеобразного мифопоэтического и метафорического языка культуры художественной. Особенностью интеллектуального развития региона стало раннее, уже в первые века нашей эры, появление эстетики, литературы и изобразительного искусства. Центральное место в этом процессе по праву занимала ханьская культура Китая, в свою очередь государства Корейского полуострова играли важную роль в процессе передачи китайской традиции другим периферийным народам Маньчжурии и

Южного Приморья, являлись своеобразным культурным мостиком между нею и Японией.

Исторические факты говорят о том, что при обладании редкостными качествами заимствования и восприятия культуры и искусства Китая и других народов, главным для корейцев оставалось не слепое подражание и копирование чужих достижений, но подлинное освоение этой культуры и её обогащение своим национальным духом. Нам следует рассматривать способность корейского народа к восприятию духовных и материальных достижений соседних стран с точки зрения их готовности вбирать все лучшее, что накоплено общечеловеческой культурой, мировой цивилизацией в целом, и приумножать собственный опыт, обогащая сокровищницу своих национальных ценностей. События нового и новейшего этапов истории, когда на смену китайскому влиянию приходит европейская и американская культура, также свидетельствуют об этом.

Корейская культура развивалась на периферии конфуцианского культурного комплекса, в её основе лежит заимствованная из Китая культурная традиция. С XIX в. в стране ощущается влияние европейской культуры. Однако ошибочно полагать, что корейцы слепо копировали чужие достижения, их культура, несомненно, является самодостаточной и самобытной, культурные заимствования были обусловлены практическими потребностями и соответствовали национальным условиям, т. е. трансформировались и становились неотъемлемой составляющей собственно корейской культуры.

Полифункциональность термина «культура» вызывает к жизни множество его определений и концепций. Культура есть феномен слишком сложный, многосторонний и внутренне противоречивый, чтобы претендовать на его всестороннее освещение. В данном учебном пособии мы относимся к культуре как комплексу признаков, определяющих цивилизационные особенности того или иного, а в данном случае – корейского, этноса.

Вообще, понятия «этнос», «цивилизация» и «культура» тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Мы обращаемся к корейской культуре как к особому типу творческой самореализации корейского этноса. История корейской культуры воспринимается нами через призму отношения к культуре как главному условию сохранения и развития общества и цивилизации. Под «историей корейской культуры» мы понимаем исторически сложившуюся на Корейском полуострове совокупность всех достижений материальной и духовной культуры, её научный анализ и формирование собственных представлений о культурных ценностях корейского народа.

Особенность культурного комплекса Кореи заключается в сочетании исключительно национальных по своим истокам элементов с другими компонентами, перенесенными с азиатского и других континентов и принятыми или ассимилированными сообразно вкусам корейцев, органично включенными в состав национальной культуры. Китайский культурный пласт получил особое распространение в правящей феодальной среде, именно она впитала многие элементы материальной и духовной культуры великого соседа, отталкивалась от его правовых и политических норм, способствовала распространению конфуцианства. Непререкаемый авторитет китайской культуры в правящей элите Кореи вызвал к жизни феномен двуязычия, знание китайской письменности и разговорного языка было необходимым условием для получения образования и поступления на ранжированную чиновничью службу. Подавляющее же большинство населения страны продолжало говорить по-корейски, что существенно затрудняло общение государства и его подданных, официальная информация доводилась до сведения народных масс в форме устного перевода. Иероглифическая письменность была не понятна простому люду, а передача корейской речи иероглифическим письмом затруднялась ввиду генетического несовпадения двух языков. Двуязычие затрудняло управление

государством, делало элементарную грамотность недоступной народу. Эта проблема частично была решена лишь в первой половине XV в., с изобретением системы корейской графической письменности хангыль, в последствии развился целый пласт литературы, написанной на нём.

Культура Кореи отличается не только богатством материальных и духовных ценностей, но и своей огромной жизнестойкостью, несмотря на бесчисленные войны, периоды внутренних мятежей и смут, разрушения, произведенные завоевателями, она не только не ослабевала, а, наоборот, всегда побеждала культуру захватчиков. Выживаемость исконно национальной традиции проявилась уже на раннем этапе формирования этнической и культурной общности корейцев, относящемся к периоду трех государств (Когурё, Пэкче, Силла) и первого в истории нации единого государства – Объединенного Силла. Воспринятые в это время из Китая письменность, правовые институты, основы материальной культуры феодализма оказали воздействие на государственное и социально-экономическое устройство корейского общества.

Основные элементы современной материальной и духовной культуры корейского народа уходят корнями в эпоху трёх государств и Объединенного Силла, однако, окончательно они сложились лишь в период королевства Корё (918 – 1392 гг.). Этнокультурная среда вплоть до начала X в. сохраняла некоторую «размытость», консолидирующие факторы в общих пределах Корейского полуострова получили развитие лишь с заимствованием китайской письменности и утверждением буддизма в качестве официальной религии в Объединенном Силла, но процесс формирования территориальной этнической общности был нарушен в конце IX в. т.н. периодом «поздних трёх государств». В начале X в. повторная консолидация корейского этноса усилия династии Ван окончательно устранили любые этнодифференцирующие факторы.

Духовность корейской нации формировалась под воздействием многочисленных факторов, но определяющую роль сыграли религиозные, философские и этические системы даосизма, буддизма и конфуцианства. Распространение идей даосизма об управляющих миром дуальных началах способствовало формированию корейской мифопоэтической традиции. В тоже время проникавшие в Корею в IV – VII вв. буддизм и этико-моральные принципы конфуцианства не могли окончательно уничтожить сложившихся до них местных философских систем и народных верований, характеризовавшихся существованием собственного круга легенд и образов, традиций и правил. Более того, буддизм впитал религиозно-мифологическое наследие Кореи, гибко использовал её традиционные художественные формы, даже облик некоторых божеств видоизменился в соответствии с местным этническим типом. Феномен адаптации буддизма и затем конфуцианства к корейским условиям был весьма характерен, особенно на ранней стадии знакомства корейского общества с этими учениями, но и на протяжении последующих веков корейские идеологи и мыслители связывали конфуцианскую и буддийскую тематику с насущными национальными проблемами.

Буддизм прочно укоренился в мировоззрении народных масс, он сумел сохранить свою популярность даже после отказа от него как официальной религии. Влияние буддизма сказалось на усилении центральной власти, поэтому он пользовался поддержкой государства. В VII – X вв. буддизм утверждается в качестве государственной религии и на многие века вперед определяет развитие художественных идеалов и изобразительного искусства Кореи. Буддизм ввиду своей пассивности и созерцательности далеко не полностью устраивал правящие круги Кореи, они нуждались в более активной и социально ориентированной системе. Адекватное для общественно-политических условий Дальнего Востока конфуцианство полностью отвечало данным требованиям. Постепенное повышение влияния

конфуцианства способствовало становлению сильной централизованной власти, поэтому эпоха зрелого средневековья совпадает с его доминирующим положением в корейском обществе и государстве. Заняв прочные позиции в Корее, конфуцианство обеспечивало связь между властью и народом. В этот период (первая половина XV в.) окончательно формируется конфуцианский культурный комплекс, влияние которого прослеживается не только в прошедших эпохах, но и в наши дни.

В отличие от духовной сферы материальная культура корейцев, и прежде всего свойственные нации тип жилья, одежда, пищевые привычки, в меньшей степени испытали воздействие китайской традиции. Примечателен тот факт, что, находясь в окружении народов, отводящих значительное место в повседневной жизни чайной церемонии и самому напитку, корейцы никогда не выращивали чай и не относились к нему с каким-либо трепетом. Более того, вплоть до последнего времени им вообще не свойственно было его употребление в быту, хотя говорить, что его там вовсе не пьют, было бы преувеличением.

В любой стране и в любую эпоху наиболее устойчивыми и консервативными элементами материальной культуры являются пищевые традиции. Корейцам немало пришлось пострадать от голода в прошлом, в Северной Корее эта проблема сохраняется и по сей день, поэтому они привыкли ценить любую пищу и пища для них имеет особое значение. Многие рецепты, кулинарные приемы и базовые традиции национальной корейской кухни в их современном виде сложились лишь к началу XVIII в. В целом она достаточно обильна и калорийна, но не способствует полноте, поскольку отдает предпочтение не животным, а растительным жирам. Питание в большинстве корейских семей остается традиционным, вместе с тем в последние годы оно становится подверженным влиянию моды и иностранному культурному воздействию.

Как и другие дальневосточные народы, традиционный рацион корейцев основан на растительной пище и дарах моря. Рыба и морские продукты всегда играли особую роль в питании корейцев как источник животных белков и жиров, до недавнего времени, а для большинства населения КНДР и сейчас они оставались единственным подобным источником. Больше всего по душе корейцам минтай, сельдь, сайра, камбала, тунец, всевозможные моллюски, в том числе осьминоги и кальмары, любят они и краба.

Мясо всегда употреблялось в небольших количествах, а молочные продукты вообще отсутствовали. Из-за дефицита пастбищ и широкого использования крупного рогатого скота в качестве тягловой силы традиционная корейская кухня почти не знала мяса и молока. Лишь с 70-х годов мясомолочные продукты стали частью повседневного питания жителей Южной Кореи, в КНДР они по-прежнему являются принадлежностью праздничного стола. Предпочтение отдается свинине и блюдам из курицы, среди молочных продуктов – всевозможным йогуртам и сливочному маслу. Едят корейцы и яйца, куриные и перепелиные.

Всё же базовый продукт питания корейцев – рис, из него готовят невероятное количество блюд, начиная с гарнира пап (отварной рис без специй) и заканчивая различными вариантами десерта (всевозможные рисовые лепешки тток и пирожки со сладкой начинкой). Другие злаки: кукуруза, ячмень, гречиха, пшеница – играют по отношению к рису подчиненную роль. Непременным элементом повседневного питания являются бобовые, преимущественно продукты из сои: соевый соус канджань, творожная масса тубу, пророщенные семена и т. д., а также фасоль и горох. Обильно представлены в рационе корейцев и всевозможные овощи, в том числе острые соленья кимчхи. Вообще народ любит острую, перченую кухню, этим он опять же существенно отличается от соседей. Перец является настолько неотъемлемой частью корейской кухни, что неспециалисту крайне трудно поверить, что острый красный перец появился на полуострове лишь

на рубеже XVII – XVIII вв., т. е. сравнительно недавно. Приверженность корейцев к острой пище может быть объяснена исторической необходимостью сохранить овощи в зимний период.

Из овощей наиболее распространены дальневосточная листовая (пекинская) капуста, редька, именно из них приготавливают основные разновидности кимчи, ставшей международной «визитной карточкой» корейской кухни и испокон веку служившей одним из важнейших повседневных её блюд. Морковь, огурцы, помидоры, всевозможная зелень широко применяются для повседневного питания. Лук, чеснок, грибы и папоротник, морские водоросли – щедро обогащают рацион корейцев. Непременной добавкой в овощные и мясные блюда служит кунжутное масло. Картофель используется достаточно широко, но не так, как в европейских странах. Помимо привычного для нас картофеля корейцам известен и его сладкий родственник – батат.

В корейской кухне крайне мало сладких блюд, они заменяются различными фруктами: яблоками, грушами, персиками, хурмой. Лакомятся здесь и мандаринами, абрикосами, корейскими дынями, клубникой. Это и есть типичный для корейского стола десерт, он может быть дополнен традиционными лакомствами, но на европейский вкус отнести их к десерту было бы не правильно.

Корейцы всегда восполняли недостаток белкового питания за счет морепродуктов, но им не было свойственно употреблять их в пищу без термической обработки, как это делают японцы. Корейская кухня занимает промежуточное положение между китайской, стремящейся изменить (если не извратить!) натуральный вкус продукта, и японской, максимально сохраняющей его. Вообще корейская кухня имеет мало общего с национальными кухнями двух соседних стран. В ней реже и умеренней, чем в Китае и странах ЮВА применяются различные приправы и пряности: лук,

чеснок, красный и реже черный перец, изредка имбирь и корица – этим данный перечень ограничивается. И по отношению к алкогольным напиткам дальневосточные народы несколько отличны друг от друга. Корейцы всегда пили слабую рисовую водку соджу, похожую на японскую сакэ, но у них почти отсутствовала традиция подогревать её. Крепкий алкоголь они всегда называли китайской водкой, подчеркивая его необычность для собственного вкуса. Что же касается церемонии питания, то здесь и корейцы, и японцы, а также с некоторыми оговорками китайцы проводили её одинаково: с непременно участии женской прислуги кисэн, развлекавшей гостей интеллектуальными беседами, песнями и танцами.

В современных условиях национальные пищевые привычки нивелируются, свою нишу находят практически все известные в мире кухни и продукты. Долгие годы японской оккупации привели к тому, что корейцы воспринимают сырые морепродукты как нечто само собой разумеющееся. Влияние массовой культуры США и длительное присутствие американских войск на юге полуострова создали здесь целую индустрию классических европейских ресторанов и систему fast food. Определенную вестернизацию переживает и традиция потребления алкоголя, по вкусу корейцам пришлось пиво, появившееся здесь в 70-е годы XIX в., потребляется изрядное количество виски, бренди, ликеров и виноградных вин. На фоне продовольственного и стилового изобилия Южной Кореи северокорейская кухня сегодня выглядит крайне скудно и незатейливо, но и она сохраняет национальный колорит, до сих пор даже на юге вспоминают знаменитый суп из кровяных колбасок сундэ и тушеную с женьшенем курицу – гордость кулинаров из окрестностей Пхеньяна.

Традиционный корейский костюм ханбок значительно отличается от японских и китайских аналогов, его внешний вид и внутренний образный посыл является ключом для понимания особенностей национальной корейской культуры. В одежде прослеживается стиль жизни и характер

самого народа. При желании в национальном одеянии корейцев можно усмотреть влияние китайских и даже монгольских корней, но они настолько трансформировались под влиянием местных природно-климатических условий, социально-экономических и политических факторов, народных вкусов и предпочтений, что на сегодняшний день ханбок для корейца является таким же исключительным национальным символом корейца, как кимоно – для японца. Название «ханбок» собирательно, об этом свидетельствует само его смысловое значение «корейский костюм», его применяют по отношению и к мужскому, и к женскому одеянию. Под этим словом скрывается множество типов одежды, характерной для старой Кореи.

Основу ханбок составляет свободный распашной кафтан, открытый спереди и завязывающийся на бант с помощью широкой ленты-пояса корым на правую сторону вне зависимости от пола. Корым была не только функциональным элементом, но и играла роль декоративного украшения, отличаясь от одежды цветовой гаммой. Характерной для европейского костюма строгой дифференциации деталей одежды на мужские и женские (расположение застежек или наличие гульфика и ширинки) в ханбоке не наблюдается. В целом на Дальнем Востоке различия в одежде всегда лежали в иной плоскости, определяя род занятий и социальное положение, указывая на принадлежность человека к той или иной религии и т. д.

В женском варианте ханбок, сложившийся во времена династии Ли, – это удлиненное платье с поднятой на уровень груди талией или же короткая расклешенная блузка чогами в сочетании с удлиненной юбкой чхима, имеющей завышенную талию, под ней для создания эффекта объемного силуэта носят несколько нижних юбок. Чхима подпоясывается высоко под грудью и спускается складками почти до пят. Под юбку или платье надевают короткие или удлиненные шаровары коджаны из холщовой или хлопчатобумажной ткани, они служат как нижнее белье и дополняются нижней чогами. К кофте пришивается лента из яркой ткани в виде банта,

служащая для фиксации одежды. Считается, что такой вид одежды скрывает недостатки женской фигуры, свойственные кореянкам, и максимально высвечивает их достоинства, делая походку и движения женщин мягкими и грациозными, кроме того, в такой удлиненной, похожей на колокол юбке, кореянка выглядит стройнее и выше. В КНДР можно увидеть весьма специфичный вариант платья, оно укорочено, и его длина поднимается чуть выше щиколотки. Большое внимание всегда уделяли прическе и украшающим её головным шпилькам, многие из которых можно считать шедеврами прикладного искусства.

Мужской костюм отличается от женского тем, что вместо юбки чхима он включает широкие брюки паджи, кроме того, мужская кофта чогори существенно длиннее женской и достает до пояса, по сути дела это - удлиненный кафтан. В качестве нижнего белья используют специальные варианты чогори и паджи. Дополнением служат жилетка чокки и короткий пиджак магоджа. Непременной частью мужского костюма был головной убор, в зависимости от социального положения его изготавливали из конского волоса (традиционная шляпа кат), тонких бамбуковых планок, промасленной бумаги (кальмо) или рисовой соломки. Мужчины собирали волосы в тугий высокий узел и повязывали голову полоской ткани мангон, такой обычай до сих пор широко распространен в сельской местности. В ненастье и холодное время года поверх ханбок и мужчины, и женщины надевали плащ турумаги с прорезями вместо рукавов, у состоятельных людей он мог быть подбитым ватной подкладкой и украшен меховой оторочкой. На ноги надевались стеганые носки с подкладкой (посон), обувь не отличалась разнообразием – это матерчатые с вышивкой тапочки ккотсин, соломенные лапти чипсин, с начала XX в. распространяется каучуковая или резиновая обувь комусин.

По своему предназначению одежда делилась на три типа: повседневный (обычное бытовое одеяние), ритуальный (одежда праздничная и обрядовая) и специфический (военная форма и т.п.). Вся она строилась на традиционной

для корейцев пятицветной палитре, включавшей красный, синий, желтый, зеленый и белый цвета. Праздничная одежда шилась из ярких тканей контрастных цветов, непривычная европейца красно-зелено-желтая гамма всегда радовала глаз корейца. Однако белый цвет был самым популярным, т. к. он символизировал скромность и чистоту душевных помыслов. Непременным дополнением к указанной цветовой гамме при проведении особо важных ритуалов была черная шляпа, как символ бесконечности мироздания. Белый цвет также был траурным, поэтому чисто белая одежда и в наши дни сохраняет такое значение.

С 80-х годов XIX в., и особенно с начала XX в. в Корее широко распространился европейский костюм янбок и европейская мода, поэтому ханбок приобрел ещё более торжественный и сакральный смысл. В современной Корее повседневная одежда утратила специфические национальные черты, подавляющее большинство женщин и практически все мужчины предпочитают одежду европейского образца, ханбок встречается редко и играет роль праздничной или ритуальной одежды. Более того, в Южной Корее приверженность традиционному одеянию и его повседневное ношение имеет четкую религиозную или политическую окраску, указывает на крайне националистические пристрастия человека.

Дух нации материализуется в созданных ею архитектурных формах. Их основу составляет сложившийся на протяжении многих веков тип жилья. Традиционный корейский дом в корне отличается от жилища европейского типа, выглядит весьма своеобразно и на фоне жилья других дальневосточных народов. На его устройстве сказалась жизненная философия корейского народа, призывающая к созданию гармонии с окружающим миром. Устоявшаяся планировка типичного корейского дома чип сложилась в условиях недостатка свободного пространства, как в городе, так и в сельской местности. Он представлял собой прямоугольную постройку высотой 2 – 2,5 м при длине 6 – 8 и ширине 3 – 4 м. Стена не играла роли несущего элемента

конструкции, каркас дома выполнялся из вертикальных деревянных стоек, пространство между которыми заполнялось соломой, прутьями, бамбуком и обмазывалось глиной. Крыша была либо двускатной (что удешевляло строительство), либо плоской в традиционном восточном стиле, покрывалась она в зависимости от достатка хозяина соломенными жгутами или керамической черепицей. Как бы низко ни спускалась крыша корейского жилища, она всегда смотрит в небо своими приподнятыми углами, формируя у домочадцев чувство уюта. В дом попадаешь через решетчатую дверь и довольно высокий по нашим меркам порог.

Дом корейцев строго делится на две части – хозяйственную и жилую. Первая существенно заглублена в грунт: уровень пола кухни находился значительно ниже пола жилых комнат, и в кухню ведут вниз от порога несколько ступенек. Это делалось с целью обеспечить традиционную систему отопления ондоль. Из кухонной топки под полом жилых помещений проводили специальные каналы, с противоположной стороны они выводились в вытяжную трубу. Дым шел под полом как по дымоходу и отдавал помещению своё тепло. Рациональное использование системы ондоль сохраняется до сих пор не только при сооружении традиционного жилья, но и в массовом многоэтажном жилищном строительстве. В кухонном и прочих хозяйственных помещениях держали мелкую домашнюю живность, например кур, хранили съестные припасы. Большие керамические, а иногда металлические чаны вмещали запасы кимчхи и прочих квашеных овощей, на стенах развешивались связки красного перца, чеснока и лука, различных трав, широко применяемых в корейской кухне. Здесь же хранились дрова и хворост для отопления, сейчас они заменены угольными брикетами.

Жилая часть дома отделена от кухни перегородкой и приподнята на 60 – 80 см. Под ней находится ондоль. При наличии желания и средств количество

комнат можно было увеличить, но их планировка вдоль оси дома сохранялась. Каждая комната имела свой вход, а для женщин предназначалась особое помещение, примыкавшее к кухне. Двери и окна жилища оклеивали промасленной рисовой бумагой, они были резными и служили не только как источник света, но и для оживления внутреннего интерьера. Узорчатой бумагой оклеивали потолок в помещении, они послужили прототипом современных обоев. Стены жилья белили известью и украшали картинами и каллиграфией.

Зажиточные семьи не ограничивались одним домом чип, но создавали целое подворье, получившее название ханок. Оно представляло собой замкнутое глинобитной или выложенной из камня стеной пространство, в котором вокруг внутреннего дворика располагались жилые и хозяйственные постройки, колодец. Главное строение имело П или Г-образную конфигурацию, ориентированную входом на юг, владелец ханок мог позволить себе дом с большим количеством комнат, до шести и более. Отдельные помещения полагались отцу, старшему сыну как главному наследнику и помощнику, в мужской половине находился и кабинет. Здесь жили, работали, принимали гостей. Женская половина дома включала комнаты матери, дочери или невестки, кухню и все подсобные помещения. Террасы мару выходили на цветник и не имели стен, они в теплое время года служили для семейных торжеств.

Корейцы проводили четкую грань между внешним миром и своим жилищем, дом для них был свят и относился к семейной жизни. Внутри семьи господствовали принципы сурового домостроя, глава семьи и наследник являлись центром мироздания. Именно поэтому строительство жилья для корейцев всегда являлось священнодействием и сопровождалось многочисленными ритуалами. Сегодня предел мечтаний каждого горожанина иметь виллу в стиле ханок, но это чрезвычайно дорого в городской черте. В сельской местности проблема не столь остра, и здесь состоятельные люди

строят жильё в национальном стиле, широко при этом используя нетрадиционные и современные строительные материалы, синтезируя комфортность западного образа жизни и национальные вкусы.

Современное состояние корейской культуры и общества, сегодняшние успехи и проблемы нации, перспективы дальнейшего её развития можно понять только на основе изучения богатого прошлого Кореи и сопоставления полученных знаний с историей других стран и наций. Пройденный корейским народом многовековой путь четко делится на культурные эпохи, каждая из них тесно связана с социально-экономическими, политическими и другими особенностями данного исторического периода и представляет собой определенный этап развития культуры страны.

Победа союзников по антигитлеровской коалиции в войне с милитаристской Японией принесла народу Кореи долгожданную свободу, однако её следствием явился раздел полуострова на советскую и американскую оккупационные зоны с последующим провозглашением двух корейских государств. 15 августа 1948 г. было объявлено о создании Республики Корея (далее – РК), а 9 сентября – Корейской Народно-Демократической Республики (далее – КНДР). Конфронтация между США и СССР в конце 40-х гг. привела к развязыванию трагической братоубийственной войны в 1950 – 1953 гг. С этого момента и до сентября 1992 г. оба корейских государства продолжали находиться в состоянии войны, отношения между ними регулировались Соглашением о перемирии, поэтому практически отсутствовали какие-либо экономические, политические и культурные контакты. Лишь с начала 90-х гг. ситуация начинает меняться к лучшему, но процесс этот осложняется рецидивами прошлого.

Формирование антагонистических по своей идейной основе режимов, взаимная вражда и недоверие привели к культурной обособленности КНДР и

РК. Оба корейских государства претендовали (и сохраняют своих претензии по сей день) на исключительное право представлять нацию на мировом уровне, в том числе и в культурном отношении. Результатом длительного отсутствия межгосударственных контактов стало формирование особой культурной среды в каждом из них. Причем даже истоки национальной культуры в КНДР и РК определяются по-разному. В 80-е гг. в Северной Корее сосредоточили внимание на изучении и возрождении культурных традиций Когурё, считая их этнической и культурной основой нации. В свою очередь, Южная Корея явно тяготеет к культурному комплексу, сложившемуся в королевстве Корё и основанному на силланских традициях. Взаимная изоляция культурной среды КНДР и РК отразилась даже на языковых аспектах: в настоящее время признается существование двух вариантов языка – северо- и южнокорейского.

Существенное воздействие на развитие современной культуры корейского народа продолжают оказывать внешние факторы. В южной части Корейского полуострова в результате тесного сотрудничества РК с США и западным миром наблюдается развитие современной массовой культуры с явным влиянием американского образа жизни, но в то же время здесь очень бережно охраняют собственные национальные традиции. В КНДР культура попала в прямую зависимость от идеологии, она основана на сформировавшемся под влиянием КНР классовом пролетарском подходе и культе партийного руководства.

1.2. Чжусианство и школы последователей Ван Ян-мина – предшественники просветительства в Корее.

Чжу Си — выдающийся конфуцианский философ династии Сун (960—

1279), основатель китайского неоконфуцианства. Философ-энциклопедист, литератор, текстолог, комментатор древних текстов. В истории китайской мысли часто называем второй по влиятельности фигурой после самого Конфуция; современники причисляли его наряду с Чжан Ши и Люй Цзунчэнем к «трём мудрецам с Юго-Востока». Родился в семье интеллектуалов. Дед Чжу Си, ученый-конфуцианец скромного достатка, поощрял детей к учёбе и самосовершенствованию, предсказывая «в роду, на протяжении пяти поколений скапливавшем конфуцианскую добродетель», рождение выдающегося потомка.

Отец Чжу Си, Чжу Сун, получил высшую ученую степень (цзиньши) в 21 год, на государственных экзаменах в 1118. Служа в столице, он стал свидетелем падения Северной Сун, вместе с двором переехал на Юг и выступал ярким противником мирного договора с Цзинь (1141): вследствие этого он был разжалован Цинь Гум и вскоре умер, будучи сослан в провинцию на мелкую должность.

Сам Чжу Си получил начальное образование под наблюдением матери и стал обладателем степени цзиньши в 18 лет. С 1158 года учился под руководством Ли Туна, последователя Чэн Хао и Чэн И (поэтому основанное Чжу Си интеллектуальное направление также иногда называется школа Чэн-Чжу).

Отстроил академию «Грот белого оленя» и преподавал в ней. С 1178 года, находясь на государственной службе, на короткое время занимал высокие посты. В 1196 году был разжалован, и его учение оказалось под запретом. В 1199 году реабилитирован, посмертно получил титул «державного князя» (гогун). В 1241 года причислен к величайшим конфуцианским авторитетам, в знак чего табличка с его именем размещена в Храме Конфуция.

В 1313 комментарии Чжу Си к Четверокнижию были официально включены в систему китайских государственных экзаменов, просуществовавшую до 1905. В качестве таковых они оказали огромное влияние на интеллектуальную жизнь Китая и других дальневосточных стран.

В XVI — 1 пол. XVII в. в Китае преобладает школа Лу Цзююаня и Ван Янмина, сформировавшая основные тезисы античжусианской критики. Однако правящая манчжурская династия (1644—1911) поддерживала учение Чжу Си как официальную идеологию.

Родился в семье интеллектуалов. Дед Чжу Си, ученый-конфуцианец скромного достатка, поощрял детей к учёбе и самосовершенствованию, предсказывая «в роду, на протяжении пяти поколений скапливавшем конфуцианскую добродетель», рождение выдающегося потомка.

Отец Чжу Си, Чжу Сун, получил высшую ученую степень (цзиньши) в 21 год, на государственных экзаменах в 1118. Служа в столице, он стал свидетелем падения Северной Сун, вместе с двором переехал на Юг и выступал ярким противником мирного договора с Цзинь (1141): вследствие этого он был разжалован Цинь Гум и вскоре умер, будучи сослан в провинцию на мелкую должность.

Сам Чжу Си получил начальное образование под наблюдением матери и стал обладателем степени цзиньши в 18 лет. С 1158 года учился под руководством Ли Туна, последователя Чэн Хао и Чэн И (поэтому основанное Чжу Си интеллектуальное направление также иногда называется школа Чэн-Чжу).

В 30-е гг. XX в. оно было модернизировано Фэн Юланем.

В Японии учение Чжу Си распространилось под названием Сюсигаку (朱子学, Школа Чжу Си), наиболее влиятельными деятелями этой школы были Фудзивара Сэйка (1561—1619) и его ученик Хаяси Радзан. Под их влиянием сложилась чжусианская система образования, просуществовавшая до «революции Мэйдзи» 1867—1868.

В Корее чжусианство получило название чуджахак (кор. 주자학). Его первыми проповедниками стали студенты, обучавшиеся в Китае в XIII-нач. XIV вв.: Ан Хян и др. Основателем ортодоксального корейского чжусианства считается Чон Монджу (XIV в.), первый министр г-ва Корё. В

XVI в. сложилась крупнейшая в Корее чжусианская школа — соннихак (также известная как лихак, калька с кит. 理學 лисюэ). В конце XIX века чжусианство осознавалось его корейскими сторонниками как важный идеологический элемент, объединяющий Корею и Китай в партизанской борьбе против японского засилья.

В XX веке историческая роль Чжу Си периодически подверглась переосмыслению вместе со всем имперским наследием Китая: чжусианская идеология называлась в числе факторов, приведших Китай к упадку. Подобные обвинения ещё раз свидетельствуют о её историческом значении. Учение Чжу Си было занесено в Корею и начало здесь распространяться в XIII веке образованными представителями правящего класса, которые пытались разрешить обострившийся на внутренней и внешнеполитической арене кризис феодального общества Коре.

Чжусианство постепенно утверждалось в Корее усилиями Ан Хяна, Пэк И Чона и их учеников. Ли Хин (1243–1306, 30-й год правления Кочжона – 32-й год Чхунервана) восстановил свою разоренную школу и одновременно приобрел Китае массу неоконфуцианской комментаторской литературы. Он выступил, таким образом, первым проводником учения Чжу Си в Корее. Его отношение к Чжу Си становится вполне ясным из следующего изречения: «На склоне лет моих все чаще предстает передо мной образ учителя Хве Ама (Чжу Си); я преклоняюсь перед ним и чту его, а его светлое имя встает передо мной из рассеивающейся темноты во всем своем величии».⁷

Пэк И Чон, живший некоторое время после Ан Хяна, современник королей Чхунёря, Чхунсона и Чхунсука, являлся конфуцианцем, сыгравшим важную роль в деле распространения чжусианства. Сам он изучал чжусианские догмы в юаньском Китае, а после возвращения в Корею передал свои знания ученикам. Таким образом, в этот период учение Чжу Си проникло из

---

⁷ Г.Д.Тягай *Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма*. М.:1986 Ст.47

юаньского Китая в Корею и было благосклонно воспринято некоторой частью ученых из среды господствующего класса. Неоконфуцианская литература продолжала поступать в Корею и впоследствии, а вместе с тем переиздавалась и в самой Корее.

Немалую роль в распространении учения Чжу Си сыграл У Тхак (1253–1333, 40-й год правления Кочжона – 2-й год Чхунсуквана), блестящий знаток китайской классической литературы, известный своим глубоким знанием «Низина» {«Книга перемен»). Летописные источники сообщают, что У Тхак впервые дал анализ книги «Комментарии к «Ицзину» ЧЭН-ЦЗЫ» («ЧЭНЦЗЫ ичжуань»), разбирая ее перед своими учениками². Исходя из этого, можно заключить, что он был уже достаточно искушен в неоконфуцианском учении.

На ниве распространения нового учения подвизался и ученик Ан Хяна-Квон Бу (1262–1346, 3-й год правления Вончжоиа – 2-й год Чхунмоквана). Заслуживает упоминания тот факт, что он опубликовал «Собрание комментариев Чжу Си на Четверокнижие». Из собственных его произведений существуют 20 тетрадей до сих пор не найденной работы «Ындэчнп». Ниже речь пойдет о сыне Квон БУ – Квон Гыше и его зять Ли Че Хен.

Из работ Ли Че Хёна (Икче, 1287–1367, 13-й год правления Чхупёрвана – 16-й год Конминвана) известны 10 тетрадей «Черновых набросков Икче», а также «Повествование немощного старца». К тому же совместно с Ан Чхуком, Ли Гоком, Ан Чином и Ли Ин Боком он составил «Классификацию хронологии», участвовал в создании хроники трех королей – Чхунёря, Чхунсонаи Чхунсука – и «Исторической хроники Тхзчжо». По поручению короля Чхунсонвана, побывавшего в юаньском Китае, Ли Че Хён, оказавшись впоследствии в Китае, сблизился с такими прославленными учеными страны, как Яо Суй, Юань Миншань, Чжао Мэн-фу и другими, которые поразились его учености³. Ли Че Хён одним из первых начал выступать против буддийского учения с конфуцианских позиций, хотя его

выступления и не носили активного характера. Он был тем представителем ученых из помещичьей среды, который, как и другие просвещенные люди его времени, пытался навеки закрепить феодальное господство, несколько ослабив путем поверхностных преобразований кризис феодального общества. Кризис корейского режима он рассчитывал разрешить на путях преобразования находившейся в хаотическом состоянии земельной и налоговой системы и восстановления былой централизованной власти в Коре.

В XIX в. наблюдается активизация ортодоксального чжусианства. Этот всплеск происходит в рамках школы «чурирон» и стал своеобразной реакцией на распространение идей материалистической философии в рамках школ «сирхак», «пукхак», «чугирон», «ханьского учения» и субъективно-идеалистической философии школы Ван Ян-мина. Все эти течения, а также католичество и секта тонхак, возникшая во второй половине XIX века, были объявлены «ересью». Возникло целое движение «Виджон чхокса» («сохранение истины и искоренение ереси»), где под «истиной» понималось ортодоксальное чжусианство. Основными представителями этого движения стали Ки Чон Чин (1798–1876), Ли Чин Сан (1818–1885), Чхве Ик Хён, Лю Ин Сок и др. В обращении к королю идеологи «Виджон чхокса» писали: «Только такое государство, которое считает единственно правильной государственной идеологией учение Чжу Си и будет выполнять его этические нормы, сможет процветать, а все иные державы – это страны, где живут дикари, где господствуют звериные принципы и отношения» [цит. по: 24:187]. Согласно Ки Чон Чину, первопричиной всего сущего является идеальное начало *ли*. Именно *ли* является источником *ки*, пяти стихий, всех вещей и явлений. «В глазах совершенномудрого, - пишет философ, - всё, что наполняет мир, есть «ли», в глазах непосвященного всё, что наполняет мир, представляет «ки»».

В отличие от многих предшествующих представителей направления «чурирон» рассматривавших «ли» как бесформенное и лишённое движения первоначало (движение объяснялось как результат взаимодействия *ым* и *ян*, присущих *ки*), *ли* Ки Чон Чина и Ли Чин Сана обладает внутренней динамикой и способностью к самодвижению. Тем самым, *ли* становится самодостаточным абсолютным началом, а идеализм «чурирон», ранее включавший в себя элементы дуализма, обретает форму последовательного абсолютного объективного идеализма.

Ли предопределяет возникновение всех вещей и ход событий, тем самым, становясь тождественным «воле Неба». Всё в этом мире предопределено. *Ли* приобретает теистическо-провиденциально-листский характер. Так, Ки Чон Чин пишет: «Всё обстоит так, как есть, по воле Неба. Такова небесная воля. Такова и неизбежность. Нет других причин того, что все обстоит именно так, кроме небесной воли».

Ли также обладает ценностной характеристикой блага. Поэтому следование *ли* это добро, а нарушение – зло. Таким же образом истинное познание есть постижение *ли*.

Под влиянием ситуации, когда в стране обозначилась поляризация экономических и политических тенденций, имеющих под собой различные социальные базы и идеологию, происходит давно назревший кризис чжусианства, приведший к его расколу.

Представители ортодоксального чжусианства выступили под лозунгом «сохранения истины» и «искоренения ереси», под которой понимались не только традиционные корейские «еретические» учения в виде материализма и взглядов сторонников Ян Ван-Мина, но и зарубежная естественнонаучная и философская мысль, а также планы реформирования Кореи по зарубежному образцу.

Антииностранные настроения были поддержаны государством, ориентированного на конфуцианство. Жестокие репрессии подверглось христианство, проникшее в Корею с католическими миссионерами. Закон о запрете христианства был издан еще в 1786 г. В XIX в. репрессии христиан приобретают массовый характер.

Единственным зарубежным идеалом для чжусианцев был Китай. Преклонение перед ним выражено одним из ортодоксов Чхве Ик Хёном: «Север! Здесь возникли небо и земля, отсюда впервые пошли два начала «ым» и «ян». Поэтому именно здесь произошло соединение воедино всех великих, чистых и совершенных «ки», здесь место появления на свет совершенно мудрых. ...И поэтому сейчас в Срединной империи нет человека, которому не были бы присущи от рождения гуманность, справедливость, сдержанность, мудрость и который не обладал бы чувствами соболезнования, стыда за дурные поступки, учтивости и справедливости. И уж, само собой разумеется, что в отношениях отца и сына, правителя и поданных, старших и младших, супругов и друзей со всей определенностью царят законы родительской любви, долга, порядка, отличия и доверия». Китай для Чхве Ик Хёна – синоним цивилизации, а другие народы – варвары. Они живут «на другом краю Вселенной»: «Люди у них от рождения лишены правдивости, в обычае у них – обман. ... Они не в состоянии проникнуть в глубины гуманности, справедливости, приличия и мудрости с той всеобъемлющей силой и пронизательностью, которая была присуща мудрецам Срединной империи»⁸.

Радикальные сторонники традиционного уклада выступили против любого иностранного проникновения. Так, Ли Хон Хо (1792–1868) предложил бойкотировать европейские товары, считая, что тем самым можно предотвратить европеизацию страны. Представители умеренного крыла конфуцианства, например, Пэк Нак Кван, допускали возможность

8

проникновения иностранного капитала в страну, но только после того, как национальная промышленность встанет на ноги.

В период японской агрессии многие конфуцианцы, участники движения «Виджон чхокса» выступили с патриотическими лозунгами и призвали к антияпонской борьбе. Формы участия в этой борьбе были различными. Некоторые из них выступили с акциями протеста и неповиновения. Так, после убийства корейской королевы японские власти вынудили корейское правительство издать декрет, запрещающий носить корейскую национальную прическу. Чхве Ик Хён отказался это делать, за что был арестован и брошен в японские застенки, где он и погиб. Другие, как Ю Рин Сек, приняли участие в вооруженном движении сопротивления. Совместное участие теоретиков конфуцианства с крестьянами в партизанских отрядах не могло ни сказаться на трансформации их взглядов.

Ю Рин Сек (1843–1917), философ и один из лидеров партизанской борьбы «Армии справедливости» в своих воззрениях вводит столько новаций в конфуцианскую доктрину, что его учение уже трудно назвать чжусианством в собственном смысле слова.

Кардинальному пересмотру подвергается одно из центральных понятий конфуцианства – нравственность. Он отвергает нравственность как систему отвлеченных понятий, связанных с внутренним самосовершенствованием. Нравственность для него нечто практическое и обладающее тем, что можно противопоставить врагу, «если однажды заговорят иностранные пушки». «Моралью нужно пользоваться надлежащим образом, - пишет философ, - если ею пользоваться правильно, разве нельзя дать отпор иностранному государству? Нравственность не есть что-то бессодержательное и неопределённое. Она полна смысла и практической значимости... Нравственность не есть что-то самодовлеющее и изолированное. Справедливая и честная, она представляет реальную силу, которая

проявляется в делах гражданских и военных, силу, на которую должен опираться весь народ».

В отличие от ортодоксальных конфуцианцев Ю Рин Сек по иному представляет и идеал ученого. Ученый должен разбираться и в сельском хозяйстве, и в ремесле, и в торговле, и в военном деле. Военному делу Ю Рин Сек придает особое значение. Он даже предлагает традиционную сословную иерархию общества дополнить сословием военных.

В новых исторических условиях чжусианский объективный идеализм потерпел полное идейное банкротство, что было связано со сплочением всех сил, выступавших против агрессии, в антияпонской партизанской войне, с консолидацией этих сил, костяк которых составляло крестьянство, с самим фактом дальнейшего развития и усиления борьбы - с японским империализмом и примкнувшими к нему феодальными правящими слоями. Чжусианцы, принимавшие участие в этой борьбе, оказались вынужденными перестроить свою теорию, которая представляла интересы феодальных эксплуататорских классов. Другими словами, чжусианство по своему содержанию в значительной мере стало отражать интересы передовых слоев крестьянства и неимущих слоев горожан, что привело к перерождению самого идейного содержания этого учения и появлению противоречивых точек зрения в чжусианских представлениях, являвшихся до этого выражением прежде всего интересов правящих классов.

Когда появились первые симптомы того, что феодальный строй династии Ли переживает кризис, когда агрессия иностранного капитализма стала совершенно открытой, ортодоксальные чжусианцы, будучи выразителями интересов феодалов-янбаней династии Ли, стоявших перед лицом своего краха, выступили с теорией «сохранения истины и искоренения ереси». В философском плане они считали своей важнейшей целью защиту чжусианского объективного идеализма, противодействие материалистическому монистическому учению «югирон», признававшему

единственным источником мира материальное начало «ки», и субъективно-идеалистическому учению школы последователей Ван Ян-мина; они объявили войну естественнонаучным идеям, заимствованным у западноевропейских философских течений, и даже религиозным учениям, проникавшим из Европы.

В период, когда агрессивные намерения японских захватчиков уже не вызывали сомнений, чжусианцы выступили, в частности, против идей реформаторов, у которых были некоторые связи с Японией. В группировке дворян-реформаторов они видели приспешников японского капитализма и отождествляли их идеи с идеями агрессии. Быть до конца последовательным означало в их понимании – раболепие в отношении Китая, слепую веру в конфуцианские догмы, преданность королю. Основные их лозунги в первый период антияпонской борьбы сводились к требованию мести японцам за королеву, погибшую от их руки, и отказа от стрижки волос, которая шла вразрез с конфуцианскими догматами.

Вот мысль одного из видных сторонников теории «сохранения истины и искоренения ереси» Чхве Ик Хёна: «Север! Здесь возникли и небо и земля, отсюда впервые пошли два начала «ым» и «ян». Поэтому именно здесь произошло соединение воедино всех великих, чистых и совершенных «ки», здесь место появления на свет совершенномудрых. Именно так обстояло дело и с пятью императорами и с тремя государями. И потому сейчас в Срединной империи нет человека, которому не были бы присущи от рождения гуманность, справедливость, сдержанность, мудрость и который не обладал бы чувствами соболезнования, стыда за дурные поступки, учтивости и справедливости. И уж, само собой разумеется, что в отношениях отца и сына, правителя и подданных, старших и младших, супругов и друзей со всей определенностью царят законы родительской любви, долга, порядка, отличия и доверия»'. Таково было низкопоклонство и раболепие перед Китаем, таков был культ Китая, взятый в его последовательно чжусианском проявлении.

Далее, Чхве Ик Хён выступает за то, чтобы внешне Корея выглядела как «маленький Китай», и следующим образом призывает подняться на борьбу в рядах партизанской Армии справедливости, во имя защиты феодальных порядков и народа – крестьян, ремесленников, купцов и служилого люда. «Ученые – это те, кто вскрывает смысл гуманности, справедливости и истины, они советники и опора трона. Крестьяне сеют хлеба и ткнут ткани, они обеспечивают всех вышестоящих. Ремесленники изготавливают всяческую утварь, купцы занимаются обменом товаров. Существуют строго определенные и незыблемые законы обыденной жизнедеятельности человека, эти нетленные установления и порядки – дело совершенномудрых. Китай называют Хуася, а сказать Хуася все равно, что сказать цивилизация. Что касается варваров северной и восточной сторон, то они живут на другом краю Вселенной, а потому, следовательно, их горы, и реки, их нравы и обычаи отличны. Люди у них от рождения лишены правдивости, в обычае у них – обман. Ввиду всего этого они не в состоянии проникнуть в глубины гуманности, справедливости, приличия и мудрости с той всеобъемлющей силой и пронизательностью, которая была присуща мудрецам Срединной империи, даже, несмотря на то, что все эти качества врожденны по своей природе»². Такова центральная мысль сторонника «сохранения истины и искоренения ереси».

Социально-политические взгляды сторонников теории «сохранения истины и искоренения ереси» сводились к настойчивому раздуванию культа Китая, раболепного преклонения перед Срединной империей; их философией был последовательный идеализм чжусианского толка. В прямой связи с этим находились их мысли и намерения до конца отстаивать феодальные порядки. Однако, когда они выступили против посягательств внешнего врага и в общих рядах со всем народом поднялись на борьбу вместе с Армией справедливости, их теория не могла избежать перерождения, начала

отражать интересы народа, а в дальнейшем это привело к тому, что были поколеблены и сами основы конфуцианского учения.

Суть этого переродившегося чжусианства нашла свое вполне отчетливое проявление в философских воззрениях Ю Рин Сека (Ыйам, 1843–1917) – видного конфуцианца и лидера партизанской борьбы Армии справедливости, происходившего из сельской конфуцианской семьи. Этот знаменитый организатор антияпонской борьбы оставил такие произведения, как «Соый синпхен» («Новое сочинение «Шаои»»), «Учу мундаб» («Диалог о Вселенной») и другие работы. Поставив вопрос: «Делая упор лишь на нравственность, что мы противопоставим врагам, если однажды заговорят иностранные пушки?»³, Ю Рин Сек следующим образом отвечал на него: «Это говорит о непонимании того, что такое нравственность. Моралью нужно пользоваться надлежащим образом, и если ею воспользовались правильно, разве нельзя дать отпор иностранному государству?.. Нравственность не есть что-то бессодержательное и неопределенное. Она полна смысла и практической значимости, находит свое применение в пяти основных нормах человеческих отношений, в пяти принципах морали, функции которых исходят из самой сущности морали; природа ее такова, что она с неизбежностью пронизывает все сущее, ею наделен каждый. Нравственность не есть что-то самодовлеющее и изолированное. Справедливая и честная, она представляет собой реальную силу, которая проявляется в делах гражданских и военных, силу, на которую должен опираться весь народ»⁴. Тем самым Ю Рин Сек подчеркивал практическое значение морали, высказываясь против тривиальных схоластических представлений своего времени о нравственности и утверждая, что Индия и Китай оказались не в состоянии противостоять иностранной агрессии именно потому, что в этих странах истолкование проблем нравственности было отвлеченным, а реальные силы для отпора не были подготовлены. Он также утверждал: «У китайцев «дао» и «ли» рассматриваются как нечто такое, в основе чего лежат

данные свыше природные качества. Это же относится и к природе корейцев. И в этом есть определенный смысл, потеря указанных качеств равносильна исчезновению «дао» и «ли». Поэтому и сегодня надлежит крепить эту основу, развивать эти качества»⁵. Здесь мы уже видим аргументы в пользу разума и свободы духа, которые пришли на смену раболепному слепому повторению старых образцов, хотя представления об истоках нравственного знания все еще остаются идеалистическими.

В то же время Ю Рин Сек отстаивал передовые представления о том, что нормам морали должна быть присуща изменчивость, поскольку обстановка сейчас уже не та, что была прежде. «В прошлом в Китае простолюдины подразделялись на служилых, земледельцев, ремесленников и торговцев. Ученые посвящали себя занятиям в области морали, крестьяне трудились на общее благо, ремесленники отдавали силы своему мастерству, купцы стремились извлечь выгоду. Самым важным делом считалось посвятить свои усилия нравственности – выше занятий не было. Очень важным и следующим по своей реальной значимости считался труд земледельца. Ремесло стояло ниже, но также было более или менее значимым занятием. Из общего ряда выпадала только служба выгоде, занимавшая в силу своей минимальной призрачной значимости последнее место. Такого рода подразделение людей на четыре категории стало государственной нормой. Они подобны четырем временам года, четырем опорам жилища.

Разъясняя «оправданность» феодальной сословной системы в свете реальных исторических условий прошлого, Ю Рин Сек указывал, что она не может не претерпеть изменений. «Издавна простолюдины подразделялись на четыре категории, а теперь следует говорить уже о пяти категориях – ученых, крестьянах, ремесленниках, торговцах и военных. Это объясняется тем, что теперь обстановка не та, что прежде, – говорил он и тут же отмечал: – Ученый, оставаясь ученым, к тому же должен быть сведущ в сельском

хозяйстве, ремесле, торговле и военном деле. Армия, оставаясь армией, должна быть армией торговцев, ремесленников, крестьян и интеллигентов. Ученый – тот, кто, углубляясь в изучение основ взаимоотношений между людьми и оставаясь самим собой, отдает все силы своим принципам, чем содействует деятельности крестьян и торговцев, ремесленников и солдат»⁷. Другими словами, сословие ученых – это не только заскоружные в своей учености люди, но и люди, сведущие в сельском хозяйстве, ремесле, коммерции и военном искусстве; служащий в армии также не должен замыкаться в скорлупе своего сословия. Ученые, крестьяне, ремесленники и торговцы – все должны изучать военное дело. Ю Рин Сек утверждал, что если этого добиться, государству ничто не будет угрожать извне. Уже в этом видно изменение существа чжусианских догм, был нарушен железный, освященный всем учением чжусианства закон подразделения феодального общества на четыре сословия. По своим философским и социально-политическим взглядам Ю Рин Сек был уже близок к идеям просветителей.

Таким образом, у чжусианства оставалось лишь два пути – либо так перестроиться, чтобы отвечать требованиям времени, либо вообще оказаться вне поля зрения народных масс и стать достоянием истории. Значительная часть не сумевших перестроиться консервативных феодально-конфуцианских группировок в новых исторических условиях скатилась на путь соглашательства с японским империализмом.

Ван Ян-мина школа

— янмин-сюэпай 陽明學派. Согласно основоположнику кит. историко-филос. науки Хуан Цзун-си (XVII в.), ближайшие последователи Ван Ян-мина (кон. XV-XVI в.) образовали шесть территориальных группировок: 1) чжэцзянскую (чжэ чжун); 2) цзянсискую (цзян ю); 3) цзянсу-аньхойскую (нань чжун); 4) хунань-хубэйскую (чу чжун); 5) шаньдун-хэнаньскую (бэй фан); 6) фуцзянь-гуандунскую (юэ минь), а также тайчжоускую школу. Их основными представителями были соответственно: 1) Дунь Юнь, Сюй Ай,

Лу Чэн (XV-нач. XVI в.), Цянь Дэ-хун, Ван Цзи (XVI в.); 2) Не Бао, Цзоу Шоу-и, Чэнь Цзю-чуань, Оуян Дэ (кон. XV-XVI в.), Ло Хун-сянь, Лю Вэнь-минь, Вань Тин-янь, Ван Ши-хуай, Цзоу Юань-бяо (XVI-нач. XVII в.); 3) Хуан Син-цзэн, Чжу Дэ-чжи (XV-XVI вв.), Сюэ Ин-ци, Сюй Цзе, Тан Шунь-чжи (XVI в.); 4) Цзян Синь, Цзи Юань-хэн (кон. XV-XVI в.); 5) Му Кун-хуй, Нань Да-цзи (кон. XV-XVI в.), Ян Дун-мин (XVI-нач. XVII в.); 6) Сюэ Кань, Чжоу Тань (XVI в.). Гл. роли на идеологич. сцене Китая XVI в. играли две первые группировки и тайчжоуская школа. К последней помимо основателя — Ван Гэня (кон. XV-XVI в.) и иногда причисляемого к ней как ее идейного вдохновителя Ван Цзи принадлежали: Ван Дун, Сюй Юэ, Янь Цзюнь (XV-XVI вв.), Чжао Чжэнь-цзи, Ло Жу-фан, Хэ Синь-инь, Ли Чжи, Гэн Дин-сян, Ян Ци-юань (XVI в.), Цзяо Хун, Чжоу Жу-дэн (XVI-XVII вв.). Виднейшими учениками Ван Ян-мина в первом поколении были Ван Цзи, Ван Гэнь, Цянь Дэ-хун, Не Бао, Цзоу Шоу-и, Оуян Дэ.

В конце XVI — 1-й пол. XVII в. помимо тайчжоуской школы наибольшим влиянием пользовались три оппозиционных ей учения, в той или иной мере придерживавшихся идей Ван Ян-мина: 1) учение «[о знании, на чем] остановиться, [и умения] совершенствоваться» (чжи-сю) Ли Цая — ученика Цзоу Шоу-и; 2) учение дунлинской школы (дунлин-сюэпай), основатель которой — Гу Сянь-чэн был учеником Сюэ Ин-ци — ученика Оуян Дэ и к которой также принадлежали Гао Пань-лун и Чэнь Лун-чжэн; 3) цишаньское учение, созданное Лю Цзун-чжоу и развитое его учениками — Чэнь Цюэ и Хуан Цзун-си (XVII в.).

Основные дискуссии среди янминистов конца эпохи Мин развертывались вокруг вопросов о соотношении духовной «первосущности» (бэнь ти) и «нравственных усилий» (гун фу), о связи «[индивидуальной] природы» (син [1]) и психики («сердца» — синь [1]) с добром (шань [2]), злом (э) и «высшим благом» (чжи шань), о способах обнаружения и практич. реализации

«истинной» (чжэнь [1]), доброй и «благосмысленной» (лян чжи) природы человека. По характеру решения этих проблем янминисты разделялись на три больших лагеря.

Первое идейное направление, часто открыто смыкавшееся с чань-буддизмом и даосизмом (Ван Цзи, Чжао Чжэнь-цзи, Чжоу Жу-дэн, Ли Чжи), обычно квалифицируется как «отдающее приоритет действию» (чжу дун), «натуралистич.» и «экзистенциалистское», или «левое крыло» янминизма. Его основоположники — Ван Цзи и Ван Гэнь, а наибольшее развитие оно получило в тайчжоуской школе. Определение последней как «левого крыла» указывает также на эгалитарно-популистский характер идеологии и демократич. устремления ее представителей, склонных к утопич. («безумно-му» — куан) реформаторству (Хэ Синь-инь, Ли Чжи). Сторонники данного направления считали каждую отдельную личность «актуально совершенной» (сянь чэн), готовой к «мгновенному просветлению» (дунь у) и нуждающейся лишь в свободном и деятельном проявлении своего врожденного всеблагого «естества» (цзы жань) в обыденной жизни. Отождествлявшаяся с «отсутствием/небытием» (у [1]) и «пустотой/вместимостью» (сюй) духовная «первосущность» трактовалась ими как образующая неразрывное единство с повседневными нравств. усилиями. Источник «истинных» идей и чувств усматривался в полной свободе и возможности абс. отрицания, имманентно присущих субъекту. Из содержащегося в «четырёх постулатах» Ван Ян-мина положения об отсутствии добра и зла на уровне «сущности сердца» Ван Цзи выводил отсутствие добра и зла на уровне «вещей/дел» (концепция «четырёх отсутствий»), а Ло Жу-фан и Ли Чжи пришли к апологии спонтанно самопроявляющегося, интуитивно мудрого «детского сердца» (чи цзы чжи синь, тун синь).

Сторонники противоположного лагеря строго разделяли духовную «первосущность» и нравств. усилия, считая, что выявление «совершенной

природы» личности требует постепенного самоуглубления в безмятежности и «покое» (цзин [2]). Делая акцент на положении о «доведении до конца» (чжи [5]) из тезиса Ван Ян-мина о «доведении благосмыслия до конца» (чжи ляп чжи), они видели в нем не единовременный акт, а процесс, основанный на отрешенном медитировании и приводящий к внутр. «просветлению». Это направление обычно квалифицируется как отдающее приоритет «покою» (чжу цзин), «квиелистское» (гуй цзи), или «правое крыло» янминизма. Его родоначальники — Не Бао и Ло Хун-сянь, за к-рыми следовали Лю Вэнь-минь, Вань Тин-янь и Ван Ши-хуай.

Третий лагерь составляли сторонники «ортодоксального», или «культуривационного» (сю [1]), янминизма, также отчетливо разделявшие духовную «первосущность» и нравств. усилия, но отстаивавшие их гармонию в стремлении избежать обеих крайностей, сходящихся на почве индивидуализма: экстравагантных «самопроявлений» «левого крыла» и самоуглубленного абсентеизма «правого крыла». Они проповедовали апробированные традиц. культурой способы личного самосовершенствования как возвращения к самому себе путем служения людям. Из положений «четырех постулатов» о наличии добра и зла на уровнях «вещей/дел», знания и волевых помыслов Цянь Дэ-хун выводил их наличие и на уровне «сущности сердца» (концепция «четырех наличий»).

У истоков этого направления стояли зять Ван Ян-мина Сюй Ай и его земляк Цянь Дэ-хун, а также Цзоу Шоу-и и Оуян Дэ.

Маньчжурское завоевание и общее изменение духовного климата в Китае во 2-й пол. XVII в. привели к разрушению прежде идейно доминировавшей школы Ван Ян-мина. Начавшееся в XVI в. проникновение идей Ван Ян-мина в Японию и Корею привело в XVII в. к возникновению там собственных янминистских школ — оёмэй гакуха и янмён хакпха.

1.3. Просветительство как социально-философское явление и его возникновение в Корее.

В XVIII-XIX веках в Европе получило распространение новое идейное движение, которое отразило борьбу буржуазной демократии против старых устоев феодализма, абсолютизма монархии, господства церковников и схоластической псевдонауки. Это было движение Просветительства, которое ставило своей целью разьяснять с помощью разума все, что окружает человека, что волнует его, рассеивать тьму невежества светом знаний. Просветительство нашло отражение, прежде всего, в философских взглядах и в прогрессивных идеях творческой интеллигенции.

Термин «просветительство» тесно связан с термином «просвещение». Хотя большинство ученых рассматривают их как равнозначные, однако существуют точки зрения, в соответствии с которыми «просветительство» рассматривается как более широкое понятие, чем «просвещение», или, наоборот, просветительство - это лишь часть просвещения.

Выступая как прогрессивное течение своего времени, направленной в будущее, просветительство поднимало и стремилось решить многие научные и социальные проблемы своего времени. В своих трудах они развивали учение о материи как единственной реальности с бесконечным количеством свойств. Природа в представлении просветителей была изначально организованное целое со своей системой связей и законов.

В теории познания просветители считали единственным источником знаний человека его ощущения, развивая тем самым сенсуалистическое направление в науке и философии..

Развивая культ разума, деятели науки и культуры стремились подчинить идеальному началу всю общественную жизнь, нравы и обычаи людей. В своих теориях они выступали за прирожденное равенство людей, обосновывали требования демократических свобод.

В теории общественного договора последователи просветительства отрицали божественное происхождение государства, рассматривали его как институт, созданный на основе заключения договора между людьми. Они требовали осуществления свободы торговли, защиты частной собственности от ограничений и феодального произвола.

Западные просветители выступали за установление политического единства нации, отстаивали идеи национального суверенитета и демократической республики.

Для взглядов просветителей было характерно резко отрицательное отношение к средневековью, которое считалось эпохой невежества и фанатизма, отказ от теологического объяснения истории, исторический оптимизм и вера в прогресс техники, торговли, культуры.

Особое внимание просветители уделяли вопросам воспитания, взгляды на которое полностью соответствовали всей системе просветительства, основанной на великой преобразующей силе разума.

На основе философии просветительства, взглядов просветителей на историю, политику, мораль, их этических воззрений, художественного творчества сформировалась единая система просветительства, направленная на отрицание устаревшей феодальной идеологии и провозглашение свободы человека.

Просветительство получило широкое распространение в политике, философии, литературе, искусстве, музыке во всех странах Европы, в Америке, а также в странах Востока, где оно имело свои особенности.

Прежде всего, для восточных стран было характерно замедленное по сравнению с европейскими государствами социально-экономическое развитие, а также органическое переплетение прогрессивного антифеодального движения с национально-освободительной борьбой народов за свою независимость, что нашло отражение в их философских и

литературных традициях. Данное обстоятельство послужило основанием для отрицания некоторыми учеными особого просветительского этапа в развитии восточных стран. Однако большинство востоковедов считает, к концу XIX началу XX веков в большинстве стран Востока сложилось просветительское движение, которое имело все признаки его мировоззрения и идеологии. Как и в Европе, что явилось результатом взаимообогащения национальных культур, оно было ориентировано на борьбу передовых людей за возрождение национального самосознания, пересмотр широких областей идеологии, на критику феодального строя, на борьбу с сословными и религиозными предрассудками, на веру в силу разума, воспитания и образования. Но просветительство на Востоке имело свою специфику, в нем была очень сильна роль религиозной идеологии, отсутствовала четкая грань между признаками раннего и позднего Возрождения, в конце XIX и начале XX веков оно развивалось под значительным влиянием идей европейского Просвещения.

Представителями корейского просветительства были Пак Че Га, Лю Хён Вон, Ли Ик и другие. Раннее просветительство в Корее сформировалось в рамках идейного течения "за реальные знания" - Сирхакпха. Слово "сирхак" в переводе обозначает "группировка реальных наук". Сирхакпха представляло собой течение общественной мысли в феодальной Корее периода позднего средневековья. Оно возникло как критическое и реформаторское направление, которое боролось против косности и схоластики конфуцианства, пропагандируя истинные, или реальные, знания (сирхак). В сирхак включались математика, астрономия, медицина, история, юриспруденция, география, язык, литература и культура страны.

В своих взглядах сторонники сирхакпха говорили о необходимости заимствования научно-технических и культурных достижений других стран для применения их в Корее. Формирование Сирхакпха было связано с

разложением феодального общества и переменами, которые происходили на основе острых социальных противоречий.

Первым пропагандистом европейских научных знаний и основоположником изучения в Корее механики и астрономии был Ли Су Гван, который жил во второй половине XVI начале XVII вв. Он критиковал субъективизм конфуцианских догм и призывал к объективному изучению окружающего мира.

В XVII - XVIII вв. ученые Ли Ик, Хон Дэ, Лю Хён Вон и другие ученые подвергли критике философские основания конфуцианства. Они признавали первичность вещественного начала ("ки" и вторичность духовного ("ри" , тем самым приближаясь к материализму, опровергали конфуцианские представления о мироздании, выдвигали идеи о вращении Земли и других планет.

Философская критика конфуцианства дополнялась учеными Сирхакпха критикой неравенства сословий, осуждением поборов и злоупотреблений чиновников. Критикуя существующие порядки, просветители разрабатывали предложения по осуществлению социальных и культурных реформ. Они выступали за ограничение крупного землевладения, уменьшение поборов с крестьян, подъём сельского хозяйства на основе внедрения более совершенных орудий и методов обработки земли. Последователи просветительства выступали за развитие ремесел и торговли с другими странами, что, по их мнению, позволит приумножить богатства страны.

Особое место в идеологии корейского просветительства занимало стремление его идеологов глубоко понять страдания и надежды своего народа, на основе которого развивался просветительский демократизм. В XVIII - начале XIX вв. в своих идеях Пак Чи Вон и Чон Якён отражали насущные проблемы дальнейшего развития страны. И хотя эти идеи не переросли в идеологию нового класса, впоследствии они имели большое значение для формирования буржуазной идеологии в Корее.

Новым этапом в развитии корейского просветительства стал период со второй половины XIX и начала XX веков, который называют эпохой "пробуждения Азии". Для этого времени характерно повсеместная активизация социально-политической, экономической и религиозно-философской мысли Кореи. Просветители направляли свои интеллектуальные усилия на решение проблем, связанных с судьбой страны, искали выход из ее застойного состояния, связанного с устаревшими традициями, стремились преодолеть вековую отсталость, не утрачивая национальной независимости и культурного своеобразия. На основе этого в Корее, как и в других странах Востока, формировалась идеология национализма.

На начальном этапе формирования идеологии национализма, просветительство стало определяющим в общественной жизни Кореи. В основе идеологии националистов лежало учение кэмон ундон, условно переводимое как "движение просветителей". Это учение было разработано Пак Ын Сиком, чьи идеи строились путем синтеза доктрин китайских философов, европейского либерализма и дальневосточных мыслителей социалистической ориентации.

Просветительские общества, создаваемые в этот период, оказали большое влияние на культурную и политическую жизнь общества. Просветители стремились возродить национальное духовное наследие, и привлечь внимание, познакомить свой народ с достижениями западной цивилизации.

Но в целом, на втором этапе корейское просветительство носило менее радикальный характер. Оно в значительной степени сосредоточилось на вопросах воспитания и просвещения и отошло от постановки социальных и политических проблем. Представители этого этапа Джи Сок Ён, Пак Ын Сик, Чу Си Ген и другие пропагандировали европейские научные и технические

достижения, выступали за осуществление широких реформ в народном образовании.

Просветители Кореи проводили большую работу по сохранению и структуризации корейского языка, выработке "правильной" концепции истории. Син Чхэ Хо же по сути создал новую историографию, в основе которой лежало национальное сознание, он писал биографии военачальников - патриотов своей страны.

В начале XX века в стране развернулось широкое движение по созданию различных обществ просветительской направленности. Эти общества выпускали свои газеты и журналы, создавали филиалы в провинции, открывали дневные и вечерние частные школы, готовили педагогические кадры и новые учебники, воспитывая новые кадры для своего движения.

Таким образом, просветительство в Корее имеет большую историю, и оно сыграло значительную роль в прогрессивном развитии этой страны.

В историю XVIII в. вошел как эпоха Просвещения. Его родиной стала Англия, затем Франция, Германия и Россия. Для этой эпохи характерен девиз: все должно предстать перед судом разума! Обретающее широкий размах развитие науки, становящейся достоянием широких кругов мыслящих людей, – вот духовная атмосфера этого времени. Такого рода умонастроения возникали уже в конце XVII в. Философы Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Дж. Локк – родоначальники просветительских идей. Исходные идеи эпохи Просвещения – культ науки (а следовательно, Разума) и прогресс человечества. Все труды деятелей Просвещения пронизаны идеей апологии Разума, его светоносной силы, пронизывающей мглу и хаос. Имей мужество мыслить самостоятельно! – таков призыв Просвещения. Францию XVIII в. характеризуют огромное количество идейных исканий, научных творческих подвигов и сотрясающих общество политических событий. Страна начала выходить из трясины феодального строя, экономической и политической раздробленности и отсталости, она вступила в период первоначального

капиталистического накопления. Просветители, как следует из самого слова, заботились о распространении просвещения среди народных масс. Они боролись за то, чтобы в обществе не было пропасти между бедными - и людьми, утопающими в роскоши.

В Корее раннее просветительство развивалось в рамках идейного течения "за реальные знания" (Сирхакпха). Его представители — Пак Че Га, Лю Хён Вон, Ли Ик и др. настаивали на необходимости развивать практически полезные науки и знакомиться с научно-техническими достижениями др. стран. Антифеодалная направленность выступает в произведениях Пак Чи Вона и Чон Як Ена, на взгляды которых большое влияние оказали идеи китайских просветителей Гу Янь-у и Хуан Цзун-си. Образцы корейской просветительской сатиры — новеллы Пак Чи Вона, некоторые анонимные повести и т. н. новая проза начала 20 в. В целом на 2-м этапе (в конце 19 — начале 20 вв.) корейское П. носило менее радикальный характер: вопросы воспитания и просвещения оттесняли в нём социальные и политические проблемы. Джи Сок Ён, Пак Ын Сик, Чу Си Ген и др. выступали как пропагандисты европейской научной и технических достижений, требовали широких реформ народного образования.

В 1876 г. Япония принудила Корею заключить с ней соглашение, вошедшее в историю под названием Канхваский договор, или «Корейско-японский договор о дружбе». Это был первый неравноправный договор, навязанный Корее. Вслед за Японией подобные договоры заключали с Кореей США (1882), Англия (1883), Франция (1886) и другие страны.

Таким образом, менее чем за десять лет под натиском внешних сил Корея вынуждена была покончить с былой изоляцией и вышла на мировую арену как полуфеодалное, полуколониальное государство. Сложное международное положение Кореи, угроза потери национальной самостоятельности из-за пагубной политики правящей верхушки вынудили

прогрессивную корейскую интеллигенцию произвести переоценку национальных ценностей.

Среди традиций, которые составляли подлинное национальное достояние, наиболее существенными оказались идеи сирхакистов, а также почерпнутые из опыта Японии идеи революции Мэйдзи и мысли европейских просветителей XVIII в.

На такой идейной почве зародились движения за национальное самоутверждение: во второй половине XIX в. — реформаторское («Кэхва ундон»), а в конце XIX — начале XX в. — культурно-просветительское («Кемонги ундон»). Эти движения имели большой социальный резонанс, способствовали сплочению патриотических сил страны.

Представители корейского просветительства конца XIX — начала XX в. выступали против отжившей конфуцианской системы образования, ратовали за распространение передовой европейской науки и культуры. Они считали, что создание сильного независимого государства возможно лишь при условии, что будет внедрено новое образование. Поэтому корейские просветители выдвинули лозунг: «совершенствоваться внутренне, учиться внешнему» («нэсу-вехак»). Это означало, что для преобразования общества необходимо овладеть достоянием национальной культуры и освоить достижения передовой культуры Европы.

Наиболее активный этап корейского просветительства относится к началу XX в., а точнее — к периоду после русско-японской войны 1904—1905 гг., которая всколыхнула Корею. Появляются многочисленные просветительские организации: Общество самоуправления (Чаганхве, 1906) во главе с Чан Джиёном, Общество друзей западного учения (Соухакве, 1906) во главе с Ли Гапом, Общество содействия развитию науки (Хынхакве, 1907) во главе с Ли Джуном и т. п.

Создается широкая сеть частных школ (сарип хаккё). Бывшие сельские конфуцианские школы (ханмун содан), в которых преподавалась китайская грамота, реорганизуются в школы современного типа. Все большее значение приобретает национальный язык и письменность: за их широкое распространение ратует такой крупный ученый, как Чу Сиген (1876—1914).

Появляется много иностранных школ, основанных для подготовки переводчиков: английская (1883), японская (1891), немецкая (1882), русская (1896), французская (1896).

С августа 1898 г. в Корее начинают выходить многочисленные периодические издания: газеты («Имперская газета», «Столичная газета», «Корейская ежедневная газета», «Корейская народная газета») и журналы («Ежемесячник Чаганхве», «Западный друг», «Молодая Корея», «Ночной гром»).

Каждое из этих периодических изданий имело свою ориентацию, в основном либо прояпонскую, либо проевропейскую.

Получают распространение в Корее книги о европейских странах («История становления Швейцарии», 1907; «Повесть о патриотке Жанне д'Арк», 1907; «История борьбы за независимость Италии», 1908; «История борьбы за независимость США», 1909, и др.). Эти книги переводились не дословно, а в адаптированном виде; излагались прежде всего те факты и события, которые могли получить наибольший отклик в Корее того времени.

Тогда же в Корею проникают некоторые концепции европейских мыслителей. Это главным образом эволюционное учение Дарвина, теории французских просветителей и доктрины позитивистов. Наибольшей популярностью пользовались переводы работ Руссо «Об общественном договоре», Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов». Имели успех также «Основные начала» Спенсера и книги японского

просветителя Фукудзава Юкити «Описание Запада», «Краткое изложение теории просвещения и культуры».

Возрастающий интерес к культурному наследию Запада объяснялся прежде всего стремлением корейцев создать качественно новую национальную культуру. Это была эпоха, когда стало очень распространенным слово «син» («новое»): «новое образование», «новые обычаи», «новые стихи», «новый театр», «новая проза».

Период культурно-просветительского движения конца XIX — начала XX в. был непродолжительным, но очень содержательным и значительным для последующей эпохи.

Особенно это относится к литературе. Если в XVII—XVIII вв. идеи просветительского характера отразились преимущественно в нравоописательных очерках и назидательных новеллах, где обличались нравы феодальной Кореи, то в конце XIX — начале XX в. художественная литература становится одним из ведущих средств выражения просветительских принципов свободы, равенства и братства. Эта беллетристика, вобравшая в себя черты литературы переходного периода от «старой» к «новой» литературе, на первых порах резко противопоставлялась как по форме, так и по содержанию всей предшествующей словесности. В ее возникновении большую роль сыграли новые общественные условия и новые веяния в духовной жизни страны, а также зарубежный опыт. «Новая проза» Кореи свидетельствовала о знакомстве ее создателей с Гюго, с Достоевским, Л. Толстым, Золя, Мопассаном. К началу XX в., на которое приходится период наиболее активного развития просветительского движения, в корейской литературе были представлены почти все жанры. Высоким гражданским пафосом выделялась публицистика этих лет. В ней затрагивались самые актуальные политические вопросы, предлагались реформы, призванные улучшить жизнь народа и упрочить государственную независимость. С точки зрения передовых людей Кореи начала XX в.,

прогрессу общества мешало отсутствие высокого патриотизма, засилье консервативной конфуцианской схоластики. Давалась также отповедь клеветническим выступлениям заморских колонизаторов, разглагольствовавших об извечном убожестве корейцев. Чхве Икхён в «Письмах японскому правительству» открыто бросил вызов иноземным угнетателям, предрекая, что настанет час отмщения за их злодеяния.

Публицистическое начало ярко проявилось и в поэзии, где ведущее место тогда занимали песни с характерными интонациями призыва. Острое политическое звучание приобрело стихотворение неизвестного автора «Три года собачьей жизни» (1909), где с едкой иронией говорится о жизни соотечественников под японским протекторатом (1905). Поэт Ли Джунмин клеймит позором предателей, отдавших родину на разграбление японским колонизаторам («Торжества в поднебесной», 1909).

В этот период вновь получает развитие историко-биографический жанр, представленный главным образом жизнеописаниями легендарных героев прошлого («Сказание о Ли Сунсине», «Сказание об Ыльчи Мундоке», «Сказание о Чхве Тотхоне», «Сказание о Кан Гамчхоне» и др.). Образы национальных героев должны были способствовать воспитанию патриотизма и укреплять антиимпериалистические настроения масс. Нескрываемо социальную направленность приобретают аллегорические произведения, которыми была столь богата корейская классика. Их создатели критиковали существующие порядки и проповедовали патриотические идеи («Собрание наземных и подводных животных», 1908; «Разговор между лисой и кошкой», 1908, Ан Гуксона).

Корейские писатели начала XX в. пропагандировали те же идеи, что и просветительское движение в целом. О равенстве, свободе, братстве говорится в таких произведениях, как «Колокол свободы» (1910), «Цветок в

тюремной камере» (1911) Ли Хэджо, а также в произведениях Чхве Чхансика (1881—1951) «Осенняя луна» (1912), «Крик дикого гуся» (1912).

Творческая деятельность писателей начала XX в. явилась важным этапом в развитии корейской литературы — переходным от литературы средневекового типа к литературе современной.

Наука КНДР не в меньшей степени зависит от идеологии, много усилий и средств направляется на изыскания в области марксизма-ленинизма и чучхе как его «высшей стадии». Созданы целые НИИ, занятые исключительно проблемами социализма и работающие на поддержание культа руководителей. В вузах и других учебных заведениях ввели преподавание специально разработанного раздела марксистско-ленинской философии сурёнгван (в вольном переводе – «вождеведение»). В Пхеньяне был создан Институт долголетия, занятый проблемой поддержания здоровья и работоспособности Ким Ирсена и его приближенных.

Серьёзное воздействие идеологических установок испытала на себе северокорейская историческая школа. С середины 60-х гг. марксистско-ленинский догматизм историков КНДР начал подменяться идеологией чучхе, и развитие исторической науки стало приобретать не только националистические, но откровенно шовинистические черты. В сегодняшней официальной истории Северной Кореи историческая правда подменена мифологией, часто не имеющей ничего общего с научным знанием. Это относится не только к далекому прошлому, но и к настоящему страны. Мифологизация и прямая фальсификация отечественной истории призваны служить оправданию и укреплению культа вождя и личной диктатуры семейства Кимов. Общество КНДР окончательно утратило ощущение исторической реальности. Официальная мифотворческая машина не останавливается даже перед такими грубейшими и слепыми действиями как

«обнаружение» в окрестностях современного Пхеньяна могилы легендарного первопредка корейцев Тангуна или объявление древней Японии корейской колонией.

Ещё большим фальсификациям подверглась новейшая история страны, переписанная в угоду официальной идеологии культа личности и превозносящая заслуги участников антияпонской вооруженной борьбы партизан, возглавленных лично Ким Ирсеном. Дошло до того, что северокорейские историки не просто замалчивают или игнорируют, но даже отрицают роль СССР и США в разгроме японских колонизаторов на Корейском полуострове. Одностороннее выпячивание партизанского движения 30 – 40-х гг. привело к искаженному пониманию исторического процесса не только XX в., но и всей отечественной истории. Новейшая история становится летописью подвигов Ким Ирсена и его родственников, вряд ли биография ещё какого-либо лидера в мировой истории была до такой степени раздута и фальсифицирована. Авторы современных учебных пособий и научных исследований КНДР считают движущей силой общественного, в том числе культурного, развития «вековую борьбу корейского народа с внешними врагами»; значение внутренних факторов, а также огромное влияние китайской культуры на всю историю Кореи и её культуру северокорейской наукой игнорируется.

В то же время не следует преуменьшать и реальных достижений северокорейских ученых в научно-технической сфере. Первые научные учреждения в социалистической Корее были созданы в 1947 г., среди них можно назвать Комиссию по составлению истории Кореи, Общество по изучению корейской филологии при университете им. Ким Ирсена. Несколько лет спустя возникли первые НИИ технического профиля, а в

октябре 1952 г. был создан координирующий и направляющий центр всей науки страны – Академия наук КНДР. Решение народнохозяйственных задач в годы индустриализации и аграрной революции (вторая половина 50-х) и в период создания аграрно-индустриальной экономики (60-е гг.) потребовало создания соответствующего научного потенциала. Большую роль в развитии северокорейской науки сыграла многосторонняя научно-техническая помощь Советского Союза. Сотрудничество между двумя странами в 40 – 80-е гг. предусматривало связи между ведущими научными центрами, проведение совместных исследований, выпуск монографий и обмен специалистами, кроме того, в вузах и НИИ СССР были подготовлены более 2 тыс. корейских ученых, почти 300 граждан КНДР окончили аспирантуру в Советском Союзе. На советских предприятиях прошли практическое обучение и ознакомились с достижениями советской науки и техники десятки тысяч специалистов из социалистической Кореи.

Особое внимание северокорейские ученые всегда уделяли решению проблем, способствующих научно-техническому и экономическому развитию страны. Широко велись исследовательские работы в направлении поиска рациональных путей использования отечественной топливно-сырьевой базы, повышения урожайности сельскохозяйственных культур и их устойчивости к неблагоприятным факторам. Итогом самоотверженной работы явилось решение целого ряда актуальных для народного хозяйства КНДР задач. Крупнейшим достижением отечественной науки следует считать создание синтетического виалонного волокна, позволившее решить проблему обеспечения населения тканями и одеждой. Технологию производства виалона разработал патриарх северокорейской науки академик Ли Сынги в 1961 г., его работы по прикладной химии получили международное признание, в 1968 г. (по другим источникам – в 1966 г.) Ли Сынги был избран почетным членом Академии наук СССР. Для промышленности

огромное значение имела разработка оригинальной технологии в области черной металлургии, позволившей заменить отсутствующий на полуострове кокс местными ресурсами. Интересы северокорейских ученых не ограничивались областью технических знаний, много было сделано для развития здравоохранения, естественных наук, изучения отечественной истории. Неоспорим вклад в историческую науку Кореи, сделанный творческим коллективом во главе с академиком Пэк Намуном (1895 – ? гг.), который в 1958 г. также был иностранным членом АН СССР. Международное признание получили достижения специалистов КНДР в сфере неорганической, органической, высокомолекулярной и аналитической химии. Академия наук КНДР в настоящий момент включает более трех десятков отраслевых институтов.

Целенаправленное развитие науки в КНДР в настоящее время позволяет рационально использовать природные богатства и полезные ископаемые страны, поддерживать высокий уровень агрономии, обеспечивать обороноспособность государства. Несмотря на катастрофическое состояние экономики и международную изоляцию, здесь ведутся разработки в области радиоэлектроники, автоматики и кибернетики. В конце 80-х гг. Северная Корея выходит на новый уровень развития науки, проводя собственные исследования по ракетным и ядерным технологиям, а также автоматизированному переводу с корейского языка.

Политика властей КНДР и ТПК в сфере культуры и искусства направлена на использование исторического наследия страны и достижений современной культуры в интересах социализма. основополагающим понятием литературы и изобразительного искусства КНДР являются метод социалистического реализма и принципы партийности, в силу этого их главная задача, помимо воспитательной, сводится к отображению революционных традиций корейского народа и обоснованию преимуществ чучхейского социализма. В

ходе культурной революции и укрепления культа личности Ким Ирсена к началу 60-х гг. практически все оппоненты режима, даже потенциальные, были уничтожены. Установление тоталитарной системы, аналог которой трудно найти не только в современном мире, но и в ближайшем прошлом человечества, исключило любую возможность для существования диссидентства как в организованной, так и в индивидуальной форме. Инакомыслие жестоко подавляется, поэтому северокорейская литература и искусство развиваются исключительно в установленных ТПК идеологических рамках, неофициальной культурной традиции практически не существует. Современному россиянину трудно воспринимать всерьез северокорейские издания, наполненные панегириками в честь Ким Ирсена и его наследия, а также преемника на посту государственного и партийного руководителя, однако именно этот «жанр» является ведущим в современной литературе и искусстве КНДР.

В марте 1946 г. была создана Ассоциация работников литературы и искусства Северной Кореи, провозгласившая своей задачей продолжение лучших традиций корейской демократической литературы 20 – 30-х гг. Освобождение Кореи от японского колониального ярма оказало огромное влияние на развитие творческого потенциала КНДР. Литература и драматургия Северной Кореи основывались на эпическом жанре революционного романа, посвященного антияпонскому партизанскому движению в 30-е гг. и борьбе за социалистическое переустройство или коротких прозаических произведениях (повестях, рассказах, пьесах о войне 1950 – 1953 гг. и социалистическом строительстве). До второй половины 60-х гг. создавались действительно интересные в художественном отношении работы, получившие в КНДР широкую известность. К их числу относятся произведения Ли Гиёна: повесть «Возрождение» (1946 г.) и роман «Земля» (1948 г.) – явно испытавшие влияние творчества М. Шолохова и

посвященные строительству новой жизни в корейской деревне. Одним из самых заметных произведений на тему борьбы с японскими колонизаторами стал роман «Отечество» Пак Унголя. Формирование характера нового человека в условиях социалистического строительства прослеживается в романе Юн Сичхоля «Родная земля», описывающем сложность социалистического выбора Северной Кореи, и в повестях и рассказах Ли Бунмёна, Хван Гона, Юн Седжуна, Чхве Мёника, Ли Донгю, в поэтических сочинениях Чо Гичхона, Мин Бёнгуна и других поэтов и прозаиков 40 – 50-х гг. В годы Корейской войны написано много произведений о героизме солдат и простых людей КНДР (поэзия Ан Нёнмана, Пак Сеена, Ким Джогу, проза Хван Гона, Юн Сичхоля и др.).

Примерно такой же тематики придерживаются поэты и драматурги 60-х гг. Революционная традиция (поэма Ким Хагёна «Юный партизан») и практика социалистического строительства в их произведениях сопровождаются рассказом о тяжелой доле простого народа в Южной Корее (драма Ли Джонсуна и Чхве Гёна «Так больше жить нельзя»). К героическому прошлому корейского народа в этот период литераторы обращаются крайне редко; следует выделить лишь исторический роман Чхве Мёника «Отец Сосан». В 50 – 60-х гг. активно переводятся и издаются произведения русской и советской литературы, но с середины 60-х гг. это случается все реже и реже. Творчество драматургов Сон Ёна, Нам Гунмана, Пак Ёнбо касалось преимущественно антияпонской партизанской борьбы корейского народа и событий войны 1950 – 1953 гг.

На развитие театрального искусства КНДР оказало влияние знакомство с лучшими образцами русской, советской и мировой драматургии. Вскоре после освобождения в театрах Кореи были показаны спектакли К. Тренева

«Любовь Яровая», А. Корнейчука «Платон Кречет», К. Симонова «Русские люди» и др. В 60-е гг. корейский театр разрабатывал новые пути развития, искал новые идейно-художественные средства воздействия на зрителя. Государственный драматический театр (г. Пхеньян) поставил ряд национальных спектаклей – «Зеленая сосна», «Пусан», «Наша мать» (Ким Сон), «Над уровнем моря».

Заметное место в театральной жизни КНДР занимал музыкальный театр, представленный жанром современной оперы. Традиционная музыкальная драма чхангык трансформировалась в жанр революционной оперы кагык, развивающийся на театральной сцене КНДР и в настоящее время. Повествуя о партизанском движении и борьбе с колонизаторами, кагык отличается не только сюжетом: большее внимание уделяется сценическому оформлению спектаклей, выразительным музыкальным средствам, использованию хоровых и танцевальных приемов. Практически все спектакли жанра кагык – «Расскажи, тайга!» (Ли Мёнсан, Син Досон, Сон Ён), «Мать Кореи» (Ли Мёнсан, Ли Чонджон, Ким Гирхак), «Море крови» и «Цветочница» (официально созданы коллективами авторов под руководством Ким Ирсена) – ставятся и современными художественно-театральными труппами страны. В 50 – 60-е гг. в КНДР осуществлена постановка опер М. Глинки «Иван Сусанин» и П. Чайковского «Евгений Онегин». Некоторые оперные («Флотоводец Ли Сунсин», Пак Гонсиль, Чо Сансон, Пак Тхэвон) и балетные («Ке Ворхянь») спектакли были посвящены героизму корейского народа в годы Имджинской войны. В 60 – 70-е гг. активно работает новое поколение северокорейских писателей и драматургов: Пак Тхэвон, Сок Юнги, Чхон Себон, Ким Бёнхун, Им Чхунджу, Пак Сану, Чон Мунхян и многие др.

Со второй половины 60-х гг. под явным воздействием культурной революции в КНР на северокорейской сцене формируется оригинальный жанр революционной музыкально-хореографической миниатюры, передающий всю ту же сюжетную гамму, но новыми музыкальными и танцевальными методами. Данный вид современного искусства надолго заменил национальную песенную и хореографическую традицию и поддерживается по сей день (музыкально-хореографические композиции «Утренняя заря», «Песнь о вольном крае» и др.).

Весь послевоенный период творчество писателей и драматургов характеризуется стремлением к эпическому отображению жизни, создаются широкие литературные полотна о героическом прошлом нации, трудовых и боевых свершениях социалистической Кореи, достигнутых под «мудрым руководством великого вождя и ТПК», эти произведения не оставили заметного следа в литературе, однако они преподносятся в качестве вершины литературного творчества, и чем чаще в них идет речь о Ким Ирсене, тем больше у авторов оснований претендовать на роль очередного литературного шедевра.

Особое место в литературе и драматургии КНДР занимает южнокорейская тематика и проблема объединения родины. В произведениях Пак Тхэвона (роман «Рассвет над Родиной»), Сок Юнги (эпопея «Рождение эпохи» и роман «Густо растущие подсолнухи»), Чхон Себона (романы «История бедствий» и «Новый берег в тумане»), Ли Гиёна (повесть «Судьба одной женщины») выражены искренняя боль разделенной нации и её стремление к воссоединению, в то же время авторы данных сочинений идут на прямую фальсификацию многих исторических событий и искажают реальное положение дел в Южной Корее, внушая своим читателям идею о

«неисчислимым страданиям и бедствиям соотечественников в условиях реакционного южнокорейского режима.

В 50 – 60-е гг. перед страной стояла задача не только поддержать культурное наследие прошедших эпох, но и восстановить разрушенное войной хозяйство. В 1953 г. был разработан генеральный план реконструкции и восстановления Пхеньяна и других городов. В тяжелых послевоенных условиях главным направлением архитектурно-строительного комплекса КНДР становится поиск наиболее рациональных и дешевых методов строительства. При этом авторские коллективы под руководством архитекторов Ким Джонхи, Кан Джохвана, Ли Хёна, Пак Акхвана, Син Сунгёна сумели объединить в своём творчестве современные принципы формообразования и национальные традиции. В таком духе застроена часть Пхеньяна, относящаяся к периоду 50 – 70-х гг. Среди значительных сооружений этого времени следует назвать Большой театр (1960 г.), здание театров «Моранбонъ» и «Мансудэ» (1976 г.), Пхеньянский железнодорожный вокзал, дворцы пионеров, Дворец народной культуры (1974 г.), Дворец культуры им. 8 февраля (1975 г.), ряд музеев в столице. Замечательным сооружением в национальном стиле является Хамхынский художественный театр. Все эти памятники архитектуры отмечены гармоничным сочетанием национальной традиции и современных форм.

Варварские бомбардировки американской авиации уничтожили богатое историческое наследие северной части Корейского полуострова, подлинные памятники истории и культуры сохранились лишь в самых малолюдных внутренних горных районах. Поэтому в современной КНДР нелегко найти подлинную старину, несказанно повезло лишь важнейшему историко-культурному центру страны – г. Кэсону: он практически не пострадал от событий 1950 – 1953 гг. Ученые Северной Кореи сумели точно определить местоположение многих разрушенных памятников и восстановить их облик

на современной технической и материальной основе. Архитекторы удачно совместили современное градостроительство с национальным зодчеством, характерной особенностью которого является украшение зданий массивной многоярусной крышей с удлиненными закраинами; примером служит здание Дворца народной учебы (1982 г., г. Пхеньян), он стал центральной библиотекой КНДР и её главным лекционным залом. Корейские строители возвели в столице и здания современного типа, облицованные керамическими плитками кремового, светло-зеленого или небесно-голубого цвета, придающими домам красивый, привлекательный вид. Украшают город и ажурные мосты через реку Тэдонган. В восточной части Пхеньяна был построен комплекс высотных зданий университета им. Ким Ирсена.

В начале 80-х гг. в столице возведены жилые кварталы Мунсу и Чхангван, Дом матери и ребенка, водноспортивный комплекс Чхангванвон. В середине 80-х гг. в связи с оживлением контактов КНДР с внешним миром начался новый архитектурно-строительный период, отмеченный влиянием современной архитектуры Японии и европейских стран. В это время построены высотное здание отеля «Корё», ряд других офисных и жилых зданий на улице Нэкори в Пхеньяне. В жилом микрорайоне Кванбок возведены дома повышенной этажности (20, 30 и 40 этажей), имеющие оригинальную архитектурную композицию.

Монументализм сталинского типа отразился в решении возвести 105-тиэтажную гостиницу в центре столицы, правда она до сих пор остается незавершенной. Новый, более современный, облик имеют возведенные на окраинах города жилые микрорайоны (их предполагалось использовать под олимпийскую, а затем фестивальную деревню, поскольку обсуждался вопрос о совместном проведении Олимпиады-88 в Сеуле и Пхеньяне). Основу

строительной технологии этого периода составило монолитное строительство, поэтому здания 80-х гг. отличаются оригинальностью форм и лишены недостатков типовой застройки.

В середине 80-х гг. намечалось и некоторое ослабление идеологического диктата, в страну приехали представители интеллигенции из числа корейцев, проживающих в Японии, они принесли с собой некоторые представления о творческой свободе. Именно в этот момент наблюдается повышенный интерес к культурному наследию древнего государства Когурё, восстанавливаются древние танцы, костюмы. Этнографические номера становятся неотъемлемой частью любой концертной программы, по заказу телевидения снимаются художественные и мультипликационные фильмы на национальные сюжеты. Шедевром кинематографа становится новая экранизация «Сказания о верной Чхунхян», основной акцент в которой был сделан на представление народной культуры и средневекового фольклора, впервые за всю историю отечественного кино в фильме присутствовала любовная сцена.

КНДР подготовила и провела в 1989 г. Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Многие наблюдатели ожидали, что он станет столь же важной вехой на пути развития северокорейского общества, какой явился для СССР Московский фестиваль, однако эти надежды не оправдались. С крушением СССР и его европейских союзников КНДР принимает на себя роль оплота «реального» социализма, усиливается политика властей, направленная на поддержание идейной чистоты общества, преследованиям подвергаются все молодые силы страны, принявшие участие в Пхеньянской «культурной весне». Экономические тяготы середины 90-х гг. делают диктат ещё более жестким, реальной силы, способной противостоять всевластию чучхейской

идеологии и обеспечить культурный подъем нации, в Северной Корее на данный момент не существует.

Косность и идеологический догматизм доктрины чучхе, концентрация всех творческих сил северокорейского общества на пропаганде и поддержании культа личности Ким Ченира и Ким Ирсена, внешнеполитическая и экономическая изоляция страны не позволяют современной культуре КНДР претендовать на значимое положение в мире. Сверхтоталитарный характер общества, информационная самоизоляция отбросили страну на много десятилетий назад. Международное сообщество пока ещё отторгает Северную Корею, что наносит значительный урон её культуре.

Колониальный период характеризовался крайне слабым развитием национального изобразительного искусства. Исторические события и реалии того времени, трагедия второй мировой и корейской войн не могли не сказаться на состоянии всех его направлений. Художественная культура Южной Кореи заметно оживилась лишь с середины 50-х гг. Наибольший интерес общественности вызывали организованные частными лицами выставки и другие мероприятия, открытые для мастеров самых различных направлений и стилей. В их числе следует назвать ежегодные выставки членов Корейской ассоциации изобразительных искусств, демонстрировавшие лучшие произведения и творческие силы отечественных художников и скульпторов.

Полувековая история развития южнокорейской живописи связана с сосуществованием и взаимным влиянием двух основных течений: основанного на традиционной манере «восточников» и молодого поколения художников-«западников». Среда последователей традиционного стиля

достаточно разнородна. Исключительно восточной манеры письма придерживались известные художники Ким Ёнджин, Но Сухён, Хо Бэннён, Ли Санбом. Они продолжали заложенную в начале XX в. традицию патриархов национальной корейской живописи Ли Доёна и Пак Сугёна (1914 – 1965 гг.), сумевших передать глубинную духовную суть своего народа. Сохранившиеся картины Пак Сугёна считаются шедеврами современного корейского искусства и такими же объектами поклонения, как классические произведения прошлого. Часть «восточников» находится под влиянием китайской или японской классической манеры. Некоторые из представителей данного направления тяготеют к синтезу восточной и западной изобразительной традиции и допускают использование ряда элементов западной живописи, к их числу можно отнести Ким Унхо, Ким Гичхана, Ким Ёнги, Пак Нэхёна и др.

«Восточники» развивают самые различные направления традиционной живописи: от монохромного письма тушью до многоцветной жанровой. Их объединяет стремление постичь и реализовать в творчестве своеобразие национального духа, определить образ и сущность всего корейского. Данная цель характерна для других видов художественного творчества страны: архитектуры, хореографии, скульптуры, музыки и т. д. Однако, по убеждению художников, в возврате к формальному языку и средствам прошлого, равно как и в приспособлении традиционного стиля к современности, нет смысла. Задача заключается в восстановлении живительного источника прошлого и его экстраполяции на эмоционально-эстетические тенденции современного мира. Собственно корейские черты более всего проявляются в пейзажной живописи жанра сансухва («горы-воды»), яркими представителями этого направления были Ли Санбом (1897 – 1971 гг.) и Пён Квансик (1899 – 1976 гг.). Традиционная живопись Ли Санбома монохромна, но очень богата оттенками чёрной туши. Она

раскрывает эстетику даосского миропонимания, неразрывного единства природы и человека. Пён Квансик продолжает линию эпического пейзажа в конфуцианском стиле, его работы занимают промежуточное положение между моно- и полихромной традиционной техникой живописи.

Монохромная традиция, как возвращение к корейским художественным истокам, была основным течением изобразительного искусства с середины 70-х и до начала 80-х гг. Её особенность заключается в преобладании черного цвета туши в сочетании с белым цветом бумаги, этим художник добивался дематериализации образов и максимальной концентрации внимания на самой идее произведения. Изображение принимало характер абсолютной живописной плоскости.

Не только приверженность традиции, но и пространственные решения, цветовая фактура, объект творчества «восточников» прямо противопоставляются художникам-«западникам». В манере классического европейского реализма работал в начале и середине творческого пути Ан Джунсик. К числу «западников» относятся и представители молодого поколения живописцев, проявляющие интерес к новейшим изобразительным формам абстракционизма, символизма, сюрреализма, кубизма и прочих направлений европейского искусства. Все они считают себя продолжателями художественной традиции «корейского Пикассо» Ли Джунсуна (1916 – 1956 гг.), последовательно прошедшего через увлечение фовизмом и экспрессионизмом. Для него характерны экспрессивный красочный мазок, бунтарский динамизм цветовой гаммы в сочетании с высоким реалистическим мастерством. Традиции западноевропейского импрессионизма повлияли на творчество И Инсона (1912 – 1950 гг.), О Джихо, Им Джисуна и многих других современных художников. Они

уделяют особое внимание цветовой палитре корейской природы и её преломлению в свете и тени. Абстрактный конструктивизм прослеживается в ранних работах художника с мировым именем Ким Вэнги (1913 – 1974 гг.), затем он увлекся символизмом в национальном стиле инь-янь, а в конце творческого пути вновь обратился к простоте геометрических форм.

Эстетика модернизма впитала характерное для традиционной корейской живописи особое отношение к цвету и древней цветовой символике обаньсэк (система пяти основных направлений сторон света – востока, запада, севера, юга и центра), испытала она и воздействие религиозной шаманской живописи мусиндо, отображавшей пантеон почитаемых шаманами духов. В современном искусстве традиции мусиндо и цветового символизма представлены в творчестве Ким Гичхана и Пак Сэнгвана. Ким Гичхан знаменит и своим поиском в области пейзажного рисунка, он создал направление абстрактного и фантастического пейзажа пабонсу («сумасшедший» пейзаж). Ещё дальше идут молодые художники 80 – 90-х гг.; отталкиваясь от традиции народной живописи минхва, они модернизируют не только шаманскую, но и буддийскую живопись. К данному направлению относятся работы Ы Джонсана.

В начале 80-х гг. формируется новое реалистическое направление «реальность и выражение», участники которого пытаются передать художественными средствами несправедливость южнокорейской социальной системы по отношению к простым труженикам. Их реализм противостоит абстрактному и модерновому искусству, поэтому часто именуется «творчеством рабочих масс».

Общая картина изобразительного искусства в 90-е гг. характеризуется существованием огромного количества различных творческих направлений и стилей. Демократизация политического режима РК соответствует современной тенденции интернационализации художественного творчества и вовлечению корейского искусства в процесс глобального развития.

Данная тенденция явно прослеживается и в области скульптуры. Концепция, стилистика и формы ваяния в корне изменились после знакомства корейцев с современной техникой и стилевыми направлениями западной скульптуры. Если на протяжении многих веков, вплоть до начала XX в., корейская традиционная скульптура носила исключительно сакральный смысл и её развитие строго регламентировалось религиозным каноном, то в наше время здесь действуют иные законы художественного творчества. Современная корейская скульптура создается как произведение искусства, как результат полной свободы действий и творческой индивидуальности. Конечно, в РК продолжает развиваться и жанр религиозной буддийской и христианской скульптуры, но он находится в исключительном ведении церкви. В современной светской скульптуре явно прослеживаются две основные тенденции, одна из них представлена мастерами реалистического направления, другая – абстрактной школой.

Крупнейшими представителями реализма являются скульпторы монументальной пластики Юн Хёджун, Ким Гёнсун, мастер скульптурного портрета Квон Чингю. Многие монументы и бронзовые памятники, созданные в 60 – 70-е гг. связаны с конфуцианскими эстетическими нормами, поэтому их стилистические решения зачастую однотипны; к такого рода скульптурам относятся памятники историческим героям, общественным, государственным, религиозным деятелям и работникам культуры. Как

правило, это изображение фигуры в полный рост, носящее следы идеализации объекта. Несколько отличаются конные статуи в честь великих полководцев прошлого, они динамичны и максимально близки к европейским аналогам.

С начала 60-х гг. как антитеза реалистической школе под явным влиянием западной традиции складывается направление абстракционизма, отвергающее естественные формы и находящееся в творческом поиске вне всякой связи с реальностью. Мэтрами данного течения были скульпторы Ким Джонён, Ким Джонсук. Чуть позже, на рубеже 80-х гг., появляется движение скульптурного концептуализма, представители которого отрицали какую-либо возможность воплотить идею в материальной субстанции, они отдавали предпочтение достаточно смелым и простым формам. В этой манере творит Мун Син, в последние годы он начал экспериментировать в области синтеза традиционных и современных скульптурных форм, отдавая предпочтение черному эбеновому дереву и нержавеющей стали.

Скульптурного творчества коснулся и модернизм. На рубеже 80 – 90-х гг. активно работает молодое поколение корейских скульпторов, принадлежащих к различным стилевым направлениям, использующих необычайное разнообразие выразительных средств и материалов. Женщина-мастер Ким Ёнхи создает скульптуры из традиционной корейской бумаги ханджи, отличающейся рыхлостью и разноцветием. В неповторимой манере работает скульптор Хан Ёнджин, его творения подчеркнута архаичны и связаны с архитектурными формами древней Кореи и её традиционными верованиями. Своеобразные терракотовые скульптуры создает Чон Джонсу. Пионером авангарда считают Ли Сунтэка, занимающегося футуристическими композициями и инсталляциями, как самыми

современными формами искусства Кореи. К категории техногенного творчества относятся эксперименты Пак Намджуна с видеотехникой.

В исканиях молодых мастеров изобразительного искусства обозначены новые эстетические ценности и художественный плюрализм современного южнокорейского общества, порожденный его быстрой модернизацией и вестернизацией. В 90-е гг. наблюдается явно выраженная тенденция преобладания стилевого плюрализма, эклектики и творческого индивидуализма, на смену классическим двухмерным формам приходят трехмерные композиции-инсталляции, широко применяющие достижения в области электроники. Многие представители художественной интеллигенции недовольны нарастающей степенью индустриализации и коммерциализации южнокорейского общества, в противовес этому они обращаются к традиционным истокам, пытаются на новой основе возродить утраченную самобытность, соединить прошлое с настоящим, традицию с современностью.

После многочисленных потрясений конца 40 – начала 50-х гг., отрицательно сказавшихся на общем состоянии корейской культуры, власти страны и общественность приложили немало усилий для возрождения традиционных народных промыслов. Вплоть до начала 60-х гг. мастера прикладного искусства проходили через сложный период восстановления утраченных ранее приемов; они не только постигали секреты древнего ремесла, но и экспериментировали в области новых технологий и материалов, создавая неповторимый современный стиль. Декоративно-прикладное искусство было и остается одним из самых массовых проявлений художественного творчества корейского народа, оно уходит корнями в исторические традиции, бытовые условия, стиль и образ жизни корейцев. Его важной особенностью

является неразрывная связь с подлинно традиционными методами ремесленного труда, основанного на индивидуальном мастерстве и традиционных техниках. Многие уникальные изделия практически не возможно изготовить в условиях массового поточного производства. В конце 60 – начале 70-х гг. правительство проводит в жизнь ряд программ, направленных на поддержку народных промыслов. Их реализация продолжается и сейчас, органично сочетаясь с политикой поддержки мелкого и среднего предпринимательства.

Как и прежде, одним из самых распространенных видов художественных промыслов традиционно остается керамическое и фарфоровое производство. В этой сфере четко различаются два направления. Одно из них в качестве традиционного ремесла максимально учитывает вкусы широких слоёв населения; его продукция, несомненно обладая художественными достоинствами, более утилитарна по характеру. Второе относится к индивидуальному творчеству мастеров и акцентирует внимание на художественной ценности керамики и фарфора как произведения искусства, такие работы не имеют практического применения. Таким образом, объективно закладывается основа для различения традиционной и современной керамики. В последние годы прослеживается тенденция более глубокого осмысления ценностей прошлого, осуществляются попытки возродить былую славу корейского фарфора и наладить производство корёского селадона и чосонского белого фарфора. Однако они не имеют успеха, секреты безвозвратно утрачены. Но многие ученые и художники (У Кунхён, Хван Инджун, Ким Чесок, Пак Кирён) вплотную придвинулись к разгадке секрета селадона. Женщина-мастер Юн Кванджо восстановила традицию нанесения глазури на керамику пунчхон. Традиция белого фарфора исследуется керамистом Чон Гу. Более древние варианты керамической посуды изготавливает Ли Вансу. Преимущество традиций

сохраняется и в условиях массового производства керамической и фарфоровой посуды.

Продолжается изготовление традиционной корейской мебели, покрытой богатой инкрустацией из рога, перламутра и металлической фурнитурой, особой популярностью пользуются лаковые изделия. Такая продукция характеризуется не только традиционной функциональностью и естественной красотой, но и высоким смыслом художественных украшений. Развивается мастерство танчхон – многоцветной декоративной росписи, основанной на буддийских канонах. Изделия из бамбука и традиционное плетение можно встретить в любой местности полуострова. Среди многообразных форм декоративного искусства особое положение занимает изготовление вееров, ткачество и декоративная обработка тканей, многие из этих изделий обладают ярко выраженной художественной ценностью.

На рубеже 80 – 90-х гг. заметно возрос интерес корейцев к собственному национальному наследию. Практически ни один талантливый мастер не остается без поддержки со стороны государства, производство изделий декоративно-прикладного искусства стимулируется моральной и материальной поддержкой властей и общества. Особенно значимые направления творчества получают статус национального культурного достояния.

После многочисленных потрясений конца 40 – начала 50-х гг., отрицательно сказавшихся на общем состоянии корейской культуры, власти страны и общественность приложили немало усилий для возрождения традиционных народных промыслов. Вплоть до начала 60-х гг. мастера прикладного искусства проходили через сложный период восстановления утраченных

ранее приемов; они не только постигали секреты древнего ремесла, но и экспериментировали в области новых технологий и материалов, создавая неповторимый современный стиль. Декоративно-прикладное искусство было и остается одним из самых массовых проявлений художественного творчества корейского народа, оно уходит корнями в исторические традиции, бытовые условия, стиль и образ жизни корейцев. Его важной особенностью является неразрывная связь с подлинно традиционными методами ремесленного труда, основанного на индивидуальном мастерстве и традиционных техниках. Многие уникальные изделия практически не возможно изготовить в условиях массового поточного производства. В конце 60 – начале 70-х гг. правительство проводит в жизнь ряд программ, направленных на поддержку народных промыслов. Их реализация продолжается и сейчас, органично сочетаясь с политикой поддержки мелкого и среднего предпринимательства.

Как и прежде, одним из самых распространенных видов художественных промыслов традиционно остается керамическое и фарфоровое производство. В этой сфере четко различаются два направления. Одно из них в качестве традиционного ремесла максимально учитывает вкусы широких слоёв населения; его продукция, несомненно обладая художественными достоинствами, более утилитарна по характеру. Второе относится к индивидуальному творчеству мастеров и акцентирует внимание на художественной ценности керамики и фарфора как произведения искусства, такие работы не имеют практического применения. Таким образом, объективно закладывается основа для различения традиционной и современной керамики. В последние годы прослеживается тенденция более глубокого осмысления ценностей прошлого, осуществляются попытки возродить былую славу корейского фарфора и наладить производство корёского селадона и чосонского белого фарфора. Однако они не имеют

успеха, секреты безвозвратно утрачены. Но многие ученые и художники (У Кунхён, Хван Инджун, Ким Чесок, Пак Кирён) вплотную придвинулись к разгадке секрета селадона. Женщина-мастер Юн Кванджо восстановила традицию нанесения глазури на керамику пунчхон. Традиция белого фарфора исследуется керамистом Чон Гу. Более древние варианты керамической посуды изготавливает Ли Вансу. Преемственность традиций сохраняется и в условиях массового производства керамической и фарфоровой посуды.

Продолжается изготовление традиционной корейской мебели, покрытой богатой инкрустацией из рога, перламутра и металлической фурнитурой, особой популярностью пользуются лаковые изделия. Такая продукция характеризуется не только традиционной функциональностью и естественной красотой, но и высоким смыслом художественных украшений. Развивается мастерство танчхон – многоцветной декоративной росписи, основанной на буддийских канонах. Изделия из бамбука и традиционное плетение можно встретить в любой местности полуострова. Среди многообразных форм декоративного искусства особое положение занимает изготовление вееров, ткачество и декоративная обработка тканей, многие из этих изделий обладают ярко выраженной художественной ценностью.

На рубеже 80 – 90-х гг. заметно возрос интерес корейцев к собственному национальному наследию. Практически ни один талантливый мастер не остается без поддержки со стороны государства, производство изделий декоративно-прикладного искусства стимулируется моральной и материальной поддержкой властей и общества. Особенно значимые направления творчества получают статус национального культурного достояния.

В первые годы после освобождения страны от колониального ига театральная сцена как наиболее доступный для народа вид искусства становится ареной острой политической борьбы. Продолжали работать труппы, созданные еще в годы японского господства, активизировалась деятельность групп социалистической и прокоммунистической ориентации. В 1947 – 1948 гг. проходило становление Корейской ассоциации сценического искусства, через год подготовившей создание в Сеуле Национального театра под руководством выдающегося драматурга Лю Чхиджина. Деятельность его коллектива позволила возродить интерес публики и актеров к европейской драматургии и постановкам классических пьес. Последствия гражданской войны сказались на театральном искусстве, но ещё больший урон ему нанесло становление национального телевидения и кинематографа в начале 60-х гг. Театр не только потерял многих зрителей, но и лишился значительной части творческого потенциала за счет оттока талантливой молодежи и профессиональных театральных деятелей в новую сферу. Кризис охватил и традиционный национальный жанр чхангык, и труппы, работавшие в европейском стиле.

В период 60 – 70-х гг. при явном преобладании американской драматической традиции помимо официального и пользовавшегося государственной поддержкой течения в южнокорейской театральной среде зародился независимый театр малых форм, близкий к современному камерному направлению. Его приверженцы не стремились к созданию коммерческих постановок, мало заботились о финансовых сборах, но делали акцент на художественной и социальной значимости спектаклей. Данное течение во многом и надолго определило развитие национального театрального искусства.

С конца 70-х гг. популярность камерных театров заметно возросла, на их основе началось формирование экспериментальных течений, разработка оригинальных методов сценического действия. Развитие корейского театра позволяет удовлетворять художественные запросы и вкусы всех слоёв населения. Многие коллективы в современных условиях предпочитают ставить не произведения западных авторов, а экспериментальные пьесы молодых корейских драматургов. Показательным является творческая позиция театра «Чаю» («Свобода»), лидеры которого в лице главного режиссера Ким Джонока и ведущего актёра Ли Пёнбока смело расширяют границы актерского самовыражения, допускают самостоятельную разработку диалогов и мизансцен. Коллектив труппы делает особый акцент на языке жестов, музыкальном сопровождении, символизме костюмов и декорации. Ему удастся поставить подлинно национальные спектакли на основе классической драматургии («Кровавая свадьба» Ф. Г. Лорки или «Гамлет» У. Шекспира), но с традиционными чертами корейских погребальных или шаманских ритуалов.

Своеобразным синтезом национального бродячего театра, стихии уличного действия и европейской художественной эстетики следует считать одно из направлений современного корейского театра мадангык (представление под открытым небом). В его спектаклях явно прослеживается традиция маданнори, народных фольклорных игр на открытой площадке. Существенный импульс становлению мадангык придали стихийные выступления политической оппозиции авторитарному режиму, развернувшиеся на городских улицах в первой половине 80-х гг. Основу его аудитории составляли демократически настроенные рядовые слои общества, предпочитающие национальную корейскую традицию и негативно

относящиеся к засилью американской массовой культуры, отсюда – и сама сущность жанра, и методы его сценического действия.

Сегодня в Южной Корее действует более 80 столичных театров и полсотни провинциальных. Сохранилось большинство сложившихся в 60 – 80 гг. коллективов. Старейшим является Национальный театр (художественный руководитель Чун Санчхоль), высока популярность сеульского театра «Санволлим» (главный режиссер Им Ёнун). Среди известных трупп следует назвать «Кыктан сасиль» (главный режиссер Чхэ Юниль), «Юнъу мудэ», молодые коллективы «Кыктан мокхва» (О Тхэсук), «Юнхудан курипхэ» (Ли Юнтхэк), «Ханьян репертори», «Кыктан пипха» и др. Их репертуар многообразен и рассчитан на широкую зрительскую аудиторию, он включает в себя и западную классику, и пьесы корейских авторов.

Возродившись после свержения японского господства, национальный кинематограф обратился, прежде всего, к повествованию о борьбе против колонизаторов. До корейской войны фильмы снимали известные в 30 – 40-е гг. режиссеры и актеры: Ли Гуён, Юн Бончхун, Чон Чхангын и Ли Гюхван. В 1949 г. выходит первый цветной фильм «Дневник женщины» режиссера Хон Сёнги. События 1950 – 1953 гг. подрывают материальную базу кинематографа, но вместе с тем они дают ему новую тематику. Художественные и документальные фильмы второй половины 50-х – 60-х гг. показывают весь ужас кровопролитной войны, трагедию разлученных семей. В кинематографической среде зарождается либеральное направление, освещающее пороки установленной в Южной Корее диктатуры Ли Сынмана («Лишний человек» режиссера Ю Хёнмока). Ряд фильмов имел явно выраженную антиамериканскую окраску и разоблачал жестокое отношение войск США к местному населению («Семь пленниц» режиссера Ли Манхи,

1964 г.). Некоторые деятели кино не скрывали своего стремления к скорейшему примирению РК и КНДР и национальному воссоединению. В то же время экраны страны были заполнены пропагандистскими фильмами и боевиками, разоблачающими северокорейскую и коммунистическую угрозу. Правительство понимало важность кино как массового искусства и средства воздействия на народ, поэтому кинокомпании получили значительные налоговые послабления. В результате в 1959 г. было снято более ста полнометражных картин, а в 60-е гг. на экран выходило до 200 фильмов ежегодно, активно работали известные режиссеры Ли Гвансу, Ким Донин.

Пришедшая к власти в апреле 1961 г. военная администрация на основании антикоммунистического законодательства, принятого 3 июля 1961 г., подвергла репрессиям прогрессивные и либеральные кинематографические круги. Творчество Ли Манхи и Ю Хёнмока оказалось под запретом. Рынок страны наводнили американские кинокартины, национальная кинематография испытывала нарастающую конкуренцию со стороны западной киноиндустрии. Осенью 1966 г. власти предпринимают меры по охране отечественного кино, запрещается съемочная и прокатная деятельность многочисленных мелких фирм, в обязательном порядке предписывается демонстрация корейских фильмов в кинотеатрах страны. Но, несмотря на все усилия, в 60 – 70-е гг. кризисные явления преодолеть не удалось. Экраны страны были заполнены малохудожественными образцами американского массового кино, большинство отечественных фильмов не отличались ни техническим качеством, ни художественными достоинствами. Талант и творческая свобода корейских кинематографистов сдерживались жестокой политической цензурой и абсолютной коммерциализацией киноискусства. В конце 70-х гг. встала ещё одна проблема: техническая модернизация страны и внедрение передовых технологий наводнили внутренний рынок теле- и видеотехникой, резко упал интерес публики к

кинотеатрам. Данная общемировая тенденция продолжает сказываться и на современном состоянии южнокорейского кинематографа.

Ситуация несколько улучшается со второй половины 80-х гг., это связано с общей демократизацией страны, обернувшейся отменой политической цензуры и снятием практически всех запретов на свободное творчество, с возросшим вниманием режиссеров и продюсеров к техническому и художественному качеству кинопродукции. Широкое признание соотечественников и мировой творческой общественности получили работы режиссеров Им Гвонтэка («Мачеха», 1987 г., «Адада», 1988 г., «Сопхенджи», 1993 г.), Пэ Ёнгюна («Почему бодидхарма пошел на восток», 1989 г.), Чон Джияна («Белая кокарда», 1992 г.), Чан Гильсу («Чильсу и Мансу»), Пак Квансу («Серебряный всадник», 1991 г.). Эти картины получили премии престижных мировых кинофестивалей. Высокими международными наградами было отмечено творчество корейских актрис (Син Хэсу, О Джунхэ, Кан Суён) и актеров (Ан Сунги, Ли Духва). В 1998 г. международный фестиваль в Сан-Франциско отметил творчество выдающегося корейского кинорежиссера Им Гвонтэка премией имени Акира Куросавы. На Каннском кинофестивале в 1998 г. южнокорейское кино было представлено сразу четырьмя картинами.

Корейские мастера кино в большинстве своем стараются отталкиваться от истинно национальной тематики, но поднимают её до уровня общечеловеческих ценностей. На развитие современного кинематографа значительно влияют эстетические принципы буддизма, особенно тяготеют к ним представители старшего кинопоколения – Пэ Ёнгюн, Чан Сунву, Ли Джанхо, Им Гвонтэк. В их произведениях доминирует мечта о духовном совершенствовании каждой личности и общества в целом. Среди

«ветеранов» особое положение занимает режиссер Ли Джанхо («Охота на китов», «Обитатели трущоб», «Хван Джини»), получивший признание за гуманистический пафос своего творчества и попытку вскрыть острые социальные проблемы 80-х гг. Его фильмы отличаются также смелым экспериментированием в области художественной выразительности и возможностей кино.

С конца 80-х гг. в кинематографический мир стремительно ворвалось молодое поколение, представленное Чан Сону, Квак Джигюном, Чан Гильсу, Пак Квансу. Новая творческая генерация корейских режиссеров уже отмечена вниманием мировой кинематографической общественности, премиями и наградами международных кинофорумов. В то же время на родине их часто упрекают в недостаточной художественной разработке образов и пренебрежении реализмом. Сильными сторонами творческой молодежи являются прекрасное владение съемочной техникой, умение тонко чувствовать драматургический материал, пристальное внимание к жизни современной Кореи. Их эстетика отлична от традиционной, они не занимаются поисками гармонии, но стремятся показать «надрыв» современной действительности и духовный разлад, характерный для героев наших дней. Границы современного корейского кинематографа стремится расширить молодой режиссер Чан Сону («Путь на скачки», «Иисус из Сеула», «Большой колокол»), он отталкивается от философии и эстетики постмодернизма и исследует внутренний мир своих сверстников, пытаясь найти истоки их нравственного кризиса. В начале 90-х гг. формируется третье поколение кинорежиссеров, к нему относятся Ким Янбин («Война Кима»), Чан Хёнсу («Пешком на небеса»), Ким Энсу («Время продолжается», 1996 г.), Чун Суиль («Моя вторая жизнь»). Для их творчества характерен отказ от традиций старого корейского кинематографа, особенно мелодраматизма, свойственного работам Квак Джигюна и его

единомышленников. Молодежь отдает предпочтение красиво выстроенному визуальному ряду и технической стороне дела.

С начала 90-х гг. кинорынок Южной Кореи полностью открыт для проката зарубежных фильмов, ограничения сохранены только с точки зрения морали и нравственности. Иностранные кинопрокатчики получили возможность оперативно работать в стране, а зрителям стали доступны настоящие шедевры американского и европейского кинематографа. Это способствует формированию у корейской аудитории достаточно высокого вкуса, вытесняет из страны низкопробные поделки из Гонконга и Тайваня, заполнявшие кинотеатры и видеосалоны в 80-е гг. С новыми эстетическими оценками корейцы начинают подходить и к национальному кинематографу.

Во второй половине XX в. Корея прошла через многочисленные испытания, для её культурной жизни был характерен поиск равновесного сочетания традиционных форм и нарастающих современных тенденций, т. к. ощущалось усиливающееся давление со стороны западной культурной традиции. Экономическая и политическая модернизация страны привела к существенным сдвигам в сфере материальной и духовной культуры. От господства традиционных форм и отрицания всего нового, от безудержного распространения американской массовой культуры Южная Корея перешла к синтезу традиций и современности. В новых исторических условиях, на переходе к глобальной стадии в развитии человечества, ведущей становится тенденция сохранения культурного наследия нации, а также обогащения его на основе широкого взаимодействия с миром, заимствования общечеловеческих ценностей.

Важным результатом развития южнокорейского общества с конца 80-х гг. является формирование высокоинтеллектуального слоя творческой интеллигенции, не связанной с материальным производством. Именно ей

принадлежит будущее корейской культуры, выходящей в современных условиях за рамки локального явления и пытающейся занять достойное место в глобальном процессе развития мировой цивилизации. Вклад страны в сокровищницу мировой культуры пока еще определяется преимущественно материальной сферой и промышленным производством, но творческое переосмысление своих вековых традиций как составной части мирового культурного процесса позволит корейскому народу занять подобающее ему положение в современном мире.

ГЛАВА II. Особенности философского просветительства в Корее

2.1. Влияние просвещения Запада на философскую мысль в Корее.

Другими идеями, которые были использованы в процессе становления философских взглядов идеологов-просветителей, явились западноевропейские философские идеи и социально-политические взгляды, проникшие в Корею вместе с товарами капиталистических стран. Уже одно это может дать представление о том, как в тот период проходило распространение идей Дарвина, Спенсера, Руссо, Монтескье и других.

Разумеется, западноевропейская философия, получившая в Корее того времени столь широкое распространение, не исчерпывалась перечисленными выше идеями. Происходило постепенное ознакомление и с другими самыми разнообразными направлениями. Так, в философском разделе «Всемирной истории событий нашей эры», вышедшей в свет в 1909 году, сообщалось: «Западная философия берет начало от греческого философа Фалеса, как философия она получила дальнейшее развитие благодаря Пифагору, во времена Сократа она постепенно совершенствовалась и получила свое завершение вместе с Аристотелем. С тех пор как английский философ XVI века Бэкон провозгласил опытную философию, в старой философии наступил коренной перелом, возникла философия нового времени;

английские ученые Локк, Спенсер и другие принадлежали к этой же группе. Кроме того, каждый со своей метафизикой выступили немецкие философы Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель и французский философ Декарт»¹⁷. Так «Всемирная история событий нашей эры» представила корейскому обществу «философию Запада».

Социология, в частности, была представлена в этой книге следующим образом: «Социология как специальная научная дисциплина была создана французским философом Контом, она имеет дело с принципами и закономерностями социальной жизни. Впоследствии Спенсер придал этой науке совершенную форму»¹⁸. Спенсер, таким образом, был представлен именно тем, кто придал социологии «совершенную форму». Отсюда можно представить, с каким увлечением и доверием относились в то время к социально-политическим взглядам Спенсера. Его работа «Основные начала» пользовалась тогда большой популярностью. Литературные источники того времени свидетельствуют о том, какое влияние конфуцианская идеология испытывала в тот период со стороны позитивистской философии, и прежде всего философии Спенсера, под каким влиянием выхожденной тем же Спенсером эволюционной теории Дарвина находилось в ту пору конфуцианство, с каким почтением и восторгом относились и к тому, и к другому. А ведь в Западной Европе того времени философия Спенсера была реакционной идеалистической философией, состоявшей на службе империализма. Исказив идеи Дарвина, Спенсер произвольно и антинаучно распространил дарвинское учение о борьбе за существование, о естественном отборе, которые господствуют в растительном и животном мире, на отношения между людьми, изображал их в качестве закономерностей общественного развития. А это, если применить подобные закономерности к человеческому обществу, означало, что и внутри последнего происходит борьба за существование, в которой выживают лишь сильные и приспособленные, а слабые и не сумевшие приспособиться погибают.

Цель всего этого состояла в том, чтобы найти оправдание социальному неравенству и всем социальным противоречиям капитализма, парализовать классовое сознание трудящихся масс, попытаться свернуть трудящиеся классы с пути классовой борьбы против капитализма.

Однако корейские философы-просветители, выражая интересы передовой буржуазии и выступая против конфуцианских религиозных догм, использовали «положительные» стороны позитивизма, в частности они приложили много усилий, чтобы усвоить естественнонаучное содержание эволюционного учения.

И все же многие из них не смогли полностью освободиться от конфуцианских представлений. Для них была характерна тенденция в процессе создания собственных концепций эклектически смешивать конфуцианство с западной философией.

В то время из различных, стран Западной Европы в Корею проникали также и этические идеи, которые были восприняты здесь весьма критически. В качестве примеров подобного рода можно привести идеи Ницше и Толстого. ««Мое» «Я», как это трактуется в толстовстве и ницшеанстве, содержит две стороны – индивидуальную и общественную, – отмечалось в статье под названием «Мирные решения в этике», помещенной в январском номере первого тома «Ежемесячника общества укрепления корейского государства». – И хотя вполне понятно, что общество и личность находятся в противоречии друг с другом, что их интересы сталкиваются в силу того, что общество, как правило, ограничивает личность, не может быть и речи о том, чтобы существовало какое-то воздействие со стороны общества, если бы последнего не было, да и какой был бы смысл в этом, если бы существовало лишь мое «Я». Лишено было бы смысла и само существование нравственных ограничений, если бы вдруг исчезло общество. Поэтому, хотя, вне всяких сомнений, и имеются некоторые, размышляющие о наслаждении безграничной свободой, о возможности получения безвозмездных

удовольствий, в действительности же все обстоит не так. На долю каждого из нас достаются и чрезвычайные печали и нестерпимые муки; вне общества не только не может быть никаких наслаждений, но, более того, в отрыве от общества индивиду грозит даже гибель»⁹. Подобным же образом журнал истолковывал и органическую связь между обществом и личностью. «Индивидуализм ведет к эгоизму, социализм – к альтруизму, ницшеанство является крайней степенью первого, толстовство – противоположная крайность. Ни ту, ни другую крайность нельзя назвать истиной», – указывалось в статье по поводу ницшеанского эгоизма и толстовского непротивления злу и предостерегалось, что «ницшеанство – это крен в сторону себялюбия, а толстовство не только ведет к анархизму, но и может ослабить человечество, привести его к гибели, если оно будет осуществлено на практике» .

Под огонь критики попала прежде всего идея непротивления. «Если непротивлением пользоваться лишь во имя идеалов мира, погибнут честные люди, а бесчестные останутся жить. Мир падет еще ниже в моральном смысле, или другими словами, непротивление превратится в свою противоположность – в насилие, – отмечал журнал и провозглашал необходимость войны за справедливое дело. – И несмотря на то, что нашим идеалом остается мир, война также является исполнением долга во имя достижения идеалов мира и справедливости. Другими словами, война необходима как война неравенству, распрям, бесчестью и несправедливости».

Таковы были наступательные боевые взгляды прогрессивной молодой буржуазии. Революция 1905 года в России вдохновила передовой капиталистический класс Кореи, сыграла огромную роль в деле развития просветительской философской мысли. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов

9

забитого, одичавшего в средневековом, застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека...».

Корейские газеты и журналы освещали это крупнейшее событие в статьях и других материалах, которые помещались на видных местах. Корейская пресса внесла огромный вклад в дело развития прогрессивных демократических идейных течений в период просветительского движения. Газета «Тэхан ильбо» от 26 января 1905 года поместила редакционную статью под заголовком: «Крупные революционные выступления в России». «В общем и целом целью цивилизованной политики является образование правительства во имя народа. Так именно и обстоит дело на Европейском материке, где, как это общепризнанно, правительство ведет народ, а народ послушен правительству; и одна лишь Россия с ее огромной территорией и многочисленным населением рассматривает правительство как нечто такое, что превышает всего остального, и проводит жестокую, тираническую политику, а царь Николай II, с приходом которого тирания стала еще более жестокой, даже усугубил ее своей полицейской политикой. С народом стали обращаться, как со скотом, и народ поневоле преисполнился гневом и негодованием, которые нарастали с каждым днем»²³. Так газета представляла себе обстановку, сопутствовавшую русской революции. «Мы находимся в значительной мере в неведении относительно внутренних волнений и внешнеполитических трудностей России; мнения на этот счет самые различные, – продолжала газета. – Простой народ имеет все основания беспокоиться о том, что министры, стоящие на страже интересов государства, окажутся не в состоянии изменить абсолютистскую политику, восстановить права и свободы народа, отстаивать интересы своей страны. Когда настроение народа вышло из подчинения, то, несмотря на сотни броненосцев на морях и миллионные сухопутные армии, не избежать подобных волнений. А ведь Россия как раз и обладает всей этой мощью.

Лишь принципы мира и цивилизации обуздают народные чувства и сохранят страну».

2.2. Особенности развития философии в духовной жизни Кореи.

В отличие от Севера, где философия чужде обрела государственный статус, а другие философские направления были объявлены вне закона, на Юге продолжают развиваться как традиционные направления корейской философии, основанные на буддизме и конфуцианстве, так и новые, возникшие под влиянием западной философской мысли. Данная ситуация является отражением более общей духовно-культурной ситуации сосуществования традиционных и западных ценностей.

Что касается традиционных направлений корейской философии, то наряду с чисто традиционными разработками наблюдаются попытки соотнесения традиционной проблематики и концептуального аппарата с проблемами и понятиями, получивших развитие в западной философии. В этом контексте рассматриваются конфуцианская философия и прагматизм, дзэн и философия Витгенштейна, традиционные понятия корейской философии и современное экологическое мышление и т.п.

Многие современные южнокорейские философы получили свое профессиональное образование в США. В силу этих и других исторических обстоятельств наибольшее развитие в Южной Корее из западных направлений получили англо-американские течения, и, прежде всего, аналитическая философия. Хотя можно сказать, что в силу политики плюрализма в стране представлен практически весь спектр философских школ. Начиная с 90-х годов в Корее появляются философы, получившие образование в странах СНГ, прежде всего, в московских и санкт-петербургских вузах.

Одной из ведущих тем в южнокорейской философии является проблема трансформации традиционных национальных ценностей, культуры и образа мышления в современной Корее. Этот вопрос рассматривается в контекстах Запад – Восток, «отцы и дети», традиционное и индустриальное, коллективизм и индивидуализм и т.п.

Другой важнейшей темой, к которой часто обращаются философы, историки, социологи и политологи является проблема объединения Кореи.

В ряду проблем, интересующих современную социально-философскую мысль Южной Кореи это проблемы полов, семьи, образования, пост-кризисного развития.

Когда влияние просветительских идей стало весьма значительным, в стране активизировали свою деятельность идеологи реакции. Выступив совместно с различными группировками эксплуататорского феодального класса, они сразу же после превращения Кореи в колонию японского империализма встали на путь соглашательства с колонизаторами, на путь прислужничества и национального предательства..

В то же время участие конфуцианцев в антияпонской борьбе Армии справедливости, в борьбе, которая привела к сплочению всех революционных сил корейского народа, обусловило перерождение самого содержания их конфуцианской доктрины, которая в какой-то мере уже отражала интересы восставшего народа; их взгляды стали очень близки взглядам просветителей. Японский империализм использовал в своих целях наряду с конфуцианством также синтоизм и другие религиозные учения. Так, газета «Тэхан мэиль синбо», пытаясь придать привлекательность подобным религиозным формам пропаганды, писала о необходимости вовлечения каждого человека в своей собственной стране в сферу религиозного воздействия, поскольку религия обладает несравненно большей силой влияния, чем политика или, тем более, экономика, и поскольку корейцы

являются носителями всяческих предрассудков. Но для того, чтобы каждый житель страны стал религиозным, религиозная деятельность должна стать доминирующей по сравнению со всеми другими формами деятельности, а в Корее должна наступить эра расцвета религии. Следовательно, в любом отношении религиозная деятельность не должна уступать никаким другим мероприятиям. А если такая политика будет одобрена, в народе произойдет резкий сдвиг вправо, к религии, под знаменами всех разновидностей религиозных вероучений. Как это ни печально, соотечественники-корейцы не могут даже разобраться, где райские пуши, а где адские соблазны, и бредут как слепые, обращаясь то к анимизму, то к синтоизму, выступают против самих истоков, к которым восходит обитель чистоты и целомудрия Тхвеге и Чон Ама, внимают японцам, отбрасывают наставления Вон Хе и Ю Чона и приветствуют проповедь японцев. И эта тенденция крепнет с каждым днем. Различные секты постепенно становятся все более нетерпимыми и смутьянствующими; проповедники сбились с ног, и с каждым днем поклонников синтоизма становится все больше. К этому сводилось обозрение газеты.

Период нарастания просветительского движения в Корее совпал с активизацией деятельности католических миссионеров. Последние построили в стране многочисленные церкви, больницы, школы, организовали издательства. Опираясь на все эти организации, они развернули свою проповедническую работу, на собственные денежные средства отправляли корейских студентов на учебу за границу. Все это, вместе взятое, служило укреплению той основы, на которой разворачивалась миссионерская деятельность. Ядром миссионерской организации в стране являлись миссионеры из США. С одной стороны, как агентура империалистической агрессии они занимались апологетикой капитализма, создали миф о том, будто Соединенные Штаты являются «истинным другом» корейского народа; с другой – в ходе военного и политического парабощения Кореи со стороны

японского империализма они активно выступили в поддержку политики японцев.

Миссионеры насаждали в корейском народе религиозное мракобесие и в то же время, игнорируя исторический вклад корейского народа в сокровищницу мировой культуры, создали своеобразный культ Запада, выступили с проповедью идей о превосходстве Запада. В период превращения Кореи в колонию японского империализма они сделали все от них зависящее, чтобы оправдать колонизаторов и их политику. Именно поэтому даже в условиях колониального захвата страны здесь были гарантированы особые права миссионеров на проведение идеологической агрессии в Корею.

С октября 1910 года японские империалисты, захватившие Корею, приступили к открытому и бесцеремонному проведению политики колониального господства в стране – с этого момента во всех областях общественной жизни Кореи наступил период самой оголтелой реакции. Во времена колониального господства японского империализма корейское общество представляло собой типичное колониальное полуфеодальное общество. Социально-политическое положение Кореи характеризовалось в то время господством японского монополистического капитала во всех отраслях народного хозяйства, консолидацией сил помещичье-феодального класса и компрадоров с японским империализмом, политической и экономической пассивностью и индифферентностью национальной буржуазии, крайней степенью обнищания крестьянства, представлявшего собой подавляющее большинство населения страны.

В подобной ситуации японские империалисты наряду с политическим гнетом и политикой экономического ограбления искореняли национальную культуру Кореи, проводили курс на дискриминацию корейского языка, держали корейское население в темноте и невежестве. Колонизаторы издали, например, «Указ о просвещении в Корею», по которому частные школы были

поставлены под контроль и значительно сокращено общее число корейских школ.

Политика японского империализма в сфере идеологии нашла свое концентрированное выражение в так называемом «Рескрипте об образовании». Идеологическое содержание этой политики сводилось к эклектической мешанине из буддийских и конфуцианских положений, а также идей буржуазной европейской философии, в частности кантианства; основой же политики служили синтоистские нормы, освящавшие культ божественных предков японского императора.

После превращения Кореи в японскую колонию просветительское движение пошло на убыль, большая часть просветительских организаций была распущена, сами просветители частично примкнули к буржуазно-реформистским течениям, а частично встали на путь сотрудничества с колониальными властями и превратились в национал-реформистов. Ограничившееся сферой культурнической деятельности просветительское движение в канун Первомартовского восстания 1919 года представляло собой умеренное типично буржуазно-националистическое движение, самые радикальные представители которого не шли дальше индивидуального террора.

Буржуазные и мелкобуржуазные интеллигенты, стоявшие во главе просветительского движения, постепенно выкинули из своего идейного багажа все то прогрессивное, что было присуще английской и французской просветительской мысли. Вплоть до 20-х годов наиболее модным течением на идеологическом фронте страны был классический немецкий идеализм, Однако в условиях военно-политического режима японского империализма в Корее немецкий классический идеализм, равно как и другие направления западноевропейской философской и социологической мысли, не смог пустить достаточно глубоких корней в корейском обществе и даже его позитивные моменты не были усвоены и восприняты надлежащим образом.

В то время вследствие слабости позиций, занимаемых буржуазией, нечего было и думать о формировании в буржуазной среде какого-либо цельного материалистического направления. В противоположность этому все более усиливалась пропагандистская деятельность христианских миссионеров, проходившая под покровительством колониальных японских властей, активизировались конфуцианство, буддизм, учение секты «чхондоге». И все же в это время было положено начало развитию рабочего движения. Корейские рабочие зарекомендовали себя в качестве самого революционного класса страны, а крестьянство, принимая участие в продолжавшихся выступлениях Армии справедливости, развернуло ожесточенную борьбу против японских империалистических хищников и помещиков.

Именно в это время Великая Октябрьская социалистическая революции в России вдохновила корейский народ на массовые бои с японским империализмом. «Победа Октябрьской революции осветила заревом свободы корейский народ, прозябавший в бесконечном горе, и указала ему путь борьбы и путь к победе»⁴⁶. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции корейский народ поднялся на всенародное антияпонское Первомартовское восстание, которое имеет огромное значение в истории корейского национально-освободительного движения. Первомартовское восстание переросло в поистине всенародное движение, охватило всю страну. И несмотря на то что в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств оно потерпело поражение, его значение исключительно велико – оно знаменовало собой начало выдвижения молодого рабочего класса Кореи на арену политической борьбы за национальное освобождение. «Мартовское восстание завершает период буржуазного национального движения и знаменует собой начало нового этапа национально-освободительной борьбы корейского народа под знаменем марксизма-ленинизма с рабочим классом в авангарде»⁴⁷. Будучи органически взаимосвязанными, революционное движение мирового

пролетариата и национально-освободительное движение в Корее открыли новую эпоху освобождения колониальных народов, происходящего под руководством пролетариата. В истории корейской философии начался новый этап – период развития марксистско-ленинской философии.

2.3. Развитие философских и общественно-политических взглядов просветителей.

В условиях кризиса феодальной конфуцианской философии и усвоения идей прогрессивных буржуазных философских направлений получили развитие многочисленные оригинальные просветительские направления, унаследовавшие традиционную прогрессивную корейскую мысль, и прежде всего идеи школы «сирхак». Пионерами просветительской мысли выступили идеологи-цивилизаторы.

После открытия портов политические группировки консерваторов и всех тех, кто ориентировался на цинский Китай и пытался удержать и упрочить свою власть, опирались на феодальные силы маньчжурской династии, которая в свою очередь наращивала свои агрессивные силы в Корее. Консерваторы являлись апологетами политики крупных землевладельцев и крупных дворян-феодалов.

Своей политической идеологией они сделали чжусианство и идеи раболепного преклонения перед Китаем. Всем этим консервативным силам противостояла группировка, известная в свое время под именем «цивилизаторов», или партии независимости, находившейся под влиянием Японии, стран Европы и США. На просветителей, в частности, огромное впечатление произвели – быстрые темпы развития современной цивилизации в Японии. Просветители понимали отсталость и кризисное состояние родины и намеревались положить конец зависимому от господствующих кругов

Маньчжурской династии положению страны, осуществить внутривосточные реформы в духе независимости и как можно скорее приобщить феодальную Корею к современной культуре, превратить ее путем реформ в современное капиталистическое государство. Так было положено начало просветительской идеологии в Корее, а сами идеи первых просветителей-реформаторов стали известны под именем «цивилизаторских идей».

Наиболее типичным представителем реформаторской группировки являлся Ким Ок Кюн (1851 –1894), происходивший из провинциальной дворянской семьи.

Хотя Ким Ок Кюн получил традиционное конфуцианское образование, но он в то же время усвоил самые разнообразные современные знания, проникавшие в Корею через Китай и Японию. Являясь выразителем интересов нарождавшейся национальной буржуазии и находясь под влиянием буржуазной идеологии, он был ведущей фигурой антиправительственного заговора и переворота 1884 года, целью которого были внутривосточные¹, реформы прогнившего феодального режима династии Ли. На формирование его идей важнейшее влияние оказали взгляды деятелей, подобных выходцу из простого народа доктору Ю Дэ Чхи. Ким Ок Кюн не раз бывал в Японии в составе корейских дипломатических миссий. Рост буржуазной культуры в этой стране поразил его и произвел настолько неизгладимое впечатление, что, вернувшись на родину, он задумал осуществить здесь буржуазные преобразования, инициатором которых было бы правительство.

Однако в силу слабости самой корейской буржуазии его замыслы потерпели провал и после этого у него не оставалось другого выхода, кроме как эмигрировать в Японию. Ким Ок Кюн был убит в Шанхае наемным убийцей, подосланным корейским правительством, когда планировал организацию нового политического движения. Его произведения включают посланное королю Кочжону письмо с изложением его проектов буржуазных реформ, «Дневник года капсин» и несколько тетрадей стихов. «Стоит только

установить искренние дружественные отношения со странами Европы и США и перестроить внутреннюю политику в стране, обучить невежественный народ и направить его по пути цивилизации, поднять торговлю, упорядочить финансы и подготовить армию, что не представляет особых трудностей... и Англия возвратит нам Комундо, а другие иностранные государства также вынуждены будут отказаться от захватнических замыслов, если бы только действительно это можно было совершить, – писал Ки Ок Кюн в своем письме королю Кочжону, отстаивая необходимость приобщения Кореи к капиталистической цивилизации и необходимость реформ прогнившего феодального режима. – Если не упразднить дворянское сословие и не покончить с истоками его злоупотреблений в то время, когда торговля стала основой современного мира, а обилие производств конкурирует друг с другом, останется лишь ожидать гибели государства. Усвоив все это, Ваше Величество гораздо быстрее избавитс от невежественных, бездарных консервативных министров и советников и подберет людей, невзирая на их' родовитость; завоюет доверие народа, заложив ОСНQ-Вы централизованной власти; приобщит людей к знаниям, создав широкую сеть школы; позаимствует религию из-за рубежа, что явится к тому же одной из основных необходимых мер и окажет содействие делу просвещения».

Взгляды Ким Ок Кюна, оказавшиеся отражением общих тенденций бурного развития промышленного производства, опережавшего в одних местах мира и отстававшего в других, его представления о торговле как о чем-то основном служили выражением экономических требований национальной корейской буржуазии; укрепление центральной власти и упразднение дворянства представляли политические требования буржуазии, а требования заимствования зарубежной религии в качестве чего-то такого,

что смогло бы оказать содействие просвещению, было направлено против конфуцианской феодальной идеологии.

Подобные буржуазно-просветительские взгляды Ким Ок Кюна нашли свое отражение и в 14 пунктах программы нового правительства, сформированного после переворота 1884 года. Сюда входили: «упразднение сословных привилегий дворянства, предоставление народу равных прав перед законом, выдвижение людей на государственные должности в зависимости от их способностей, а не по принципу знатности и родовитости», а также «упразднение государственного учреждения Кючжангак» и другие проекты. Первое было направлено против феодально-сословной системы, а второе предусматривало перестройку всей прежней политики, в основе которой лежали принципы конфуцианства.

Мысли Ким Ок Кюна предвосхитили бурно развивавшиеся впоследствии буржуазно-просветительские идеи. Однако его представление о том, что импорт зарубежной религии будет содействовать просвещению народа, зиждилось отнюдь не на прогрессивной материалистической основе; истоки подобной идеологической ограниченности лежали в незрелости национальной корейской буржуазии. Вслед за ранними просветителями, к числу которых принадлежал и Ким Ок Кюн, после заключения Канхваского договора 1876 года бурно развернулось патриотическое культурно-просветительское движение, представленное целым рядом идеологов-просветителей. Но даже в условиях продолжения борьбы против иностранных захватчиков, в которой незрелая еще буржуазия выступала совместно с феодальным крестьянством, идеология корейских просветителей была не в состоянии подняться до последовательного материализма.

И все же их идеи служили протестом против крепостнического рабства и эксплуатации, дышали ненавистью к феодальным порядкам, были направлены против политико-правовых пут феодального режима, отстаивали национальную независимость, провозглашали освобождение от

сковывающих религиозно-конфуцианских уз, утверждали свободу человеческого разума. Лозунгами просветителей стали, например, такие призывы: «Развивать промышленность!», «Дорогу образованию!»; их лозунг сочетания «внутреннего совершенства и зарубежной науки» являлся призывом к мобилизации всех внутренних резервов государства, к необходимости учиться у передовых зарубежных стран. «Если не способствовать делу распространения образования, – говорилось в учредительном манифесте одной из самых типичных просветительских организаций этого периода – Общества укрепления корейского государства» (Тэхан чаганхве), – народ будет по-прежнему коснеть в невежестве; не развивая промышленность, нельзя умножить богатство страны. Поэтому единственное средство к тому, чтобы пробудить народное сознание, – в распространении образования, единственное средство усилить страну – в развитии промышленности»²⁶. Во имя этого просветители всей своей многообразной политической деятельностью, а также посредством критических политических обзоров и массовой просветительской литературы пробуждали сознание народа, будили в массах дух национальной гордости и национальной независимости, изучали теряющуюся в глубине веков историю Кореи, разрабатывали национальное культурное наследие; во имя утверждения и развития национального языка изучали и упорядочивали корейский язык.

И все же та философская основа, от которой отталкивались просветители, не позволяла их представлениям превратиться в прогрессивные материалистические взгляды, избавиться от тех или иных идеалистических тенденций. Причиной этого была ограниченность слабой еще в тот период корейской национальной буржуазии. Типичными представителями просветительской идеологии являлись Пак Ын Сик, Син Чхэ Хо (1879–1936), Чу Си Ген (1876–1914) и другие.

Известный мыслитель просветительского периода, писатель-публицист Пак Ын Сик родился в семье провинциального янбана и в детстве получил традиционное конфуцианское образование. Он сразу же, как только агрессивная политика японского империализма стала очевидной, создал идеологическую организацию представителей буржуазно-просветительского движения и выступил со своими просветительскими идеями на страницах газет и журналов. После империалистического захвата Кореи Японией он эмигрировал в Китай и там, в Шанхае, скончался, будучи одним из лидеров эмигрантской политической организации. Пак Ын Сик до конца своих дней участвовал в политическом движении и не оставлял литературной деятельности. Хотя он и после Великой Октябрьской социалистической революции и после Первомайского движения в Корее так и не смог стать на позиции революционного пролетариата, все же его взглядам была присуща общая тенденция сдвига влево. Его перу принадлежат такие работы, как «Хангук тхонса» («История Кореи») и «Хангук тоннип ундон хельса» («Кровавая история движения за независимость Кореи»); им написаны многочисленные статьи, в том числе «Юге кусиннон» («Конфуцианское богоискательство») и масса других литературных произведений патриотической направленности.

Несмотря на то что в общем и целом идеям Пак Ын Сика присуща прогрессивная патриотическая направленность, они были не свободны и от противоречивости. Прежде всего это относится к тем многочисленным конфуцианским элементам, которые были присущи его взглядам; самое яркое выражение это нашло в его попытках создать конфуцианское и в то же время буржуазное по своему характеру вероучение с помощью учения Ван Ян-мина. Его пронизанные конфуцианским духом взгляды являлись к тому же в значительной мере результатом воздействия идей Кан Ю-вея. Это относится прежде всего к таким идеям, как мысль о «Великом единении» («Датун») ¹⁰.

10

«Дух – повелитель моего «Я», основа всего. Не вызывает никакого сомнения, что всякий раз, стоит только появиться желанию, душа раскрыта желанию, если оно доброе; и, наоборот, душа противится желанию, если оно злое,– писал Пак Ын Сик в своем самом крупном произведении «Кровавая история движения за независимость Кореи».– Несомненно, что, если душа озарена внутренним чистым светом, нет колебаний относительно одобрения или порицания мира, нет сомнений в практической значимости вещей и явлений мира»²⁷. Подобные изречения говорят лишь о том, что в своем мировоззрении он не в состоянии был освободиться от конфуцианских идеалистических представлений. Однако его идеи содержали в то же время немало диалектических моментов.

Пытаясь привести аргументы в доказательство неизбежности гибели и феодального общества и японского империализма, Пак Ын Сик писал: «Природа изменяется закономерно; если вещи и явления в своем развитии достигают крайнего предела, они неизбежно изменяются»²⁸.

Однако влияние идей английского позитивизма и французского просвещения на взгляды Пак Ын Сика носит вполне очевидный характер. Это нашло отражение в эклектике его представлений, где сочетались элементы традиционной восточной конфуцианской мысли и буржуазной западной идеологии. «По словам западных ученых,– писал Пак Ын Сик,– борьба за существование является принципом естественной эволюции, и то, что сильный побеждает, а слабый терпит неудачу, представляет общепринятую мысль и в высшей степени оправданное явление. Почему же это идет вразрез с учением о гуманности и справедливости, о нравственности? Ведь сама по себе мораль гуманности и справедливости такова, что только люди мудрые и проницательные, смелые и сильные могут в полной мере выступать носителями такой морали, а невежды и глупцы, ленивые и слабосильные не могут обладать, подобными моральными

качествами. Почему бы и впредь не погибать слабым и не побеждать сильным в этой борьбе?»¹¹

Вместе с тем Пак Ын Сик придавал огромное значение передовому научному знанию и моральному совершенству народа, необходимость которых обусловлена построением сильного независимого государства. Он рассматривал поступательное развитие научного знания, способного положить конец феодальному невежеству, в качестве движущей силы развития общества. «Если говорить в историческом плане о причинах процветания и упадка наций на земном шаре, – писал Пак Ын Сик, – о причинах появления и исчезновения государств, то встает вопрос – что же вызвало их к жизни и обусловило расцвет, что же вызвало их упадок и привело к гибели? Вне всяких сомнений, все это является результатом расцвета и упадка знаний, усилением и ослаблением их влияния»³⁰. С одной стороны, столь высокая и в то же время ошибочная оценка знания была навеяна ему идеологами французского просвещения, с другой – она была к тому же результатом одностороннего осмысливания самого факта вековой отсталости Кореи.

Подобные ошибочные представления о всеисилии человеческого знания легли в основу его идеалистических общественно-политических взглядов. «Туманное, беспредельно далекое время было периодом борьбы за существование между людьми и животными. Когда небо отделилось от земли, – писал Пак Ын Сик, – появилась растительность, возникли люди; и хотя звери и птицы обладали в сравнении с человеком массой преимуществ в борьбе за существование в виде тех крыльев, когтей, зубов и рогов, которыми наградила их природа, нападали на людей, пожирали их, все же в конце концов люди вышли победителями, а звери отступили. В чем же причина этого, в чем причина того, что люди размножились, а от зверей тех времен не осталось и следа? Причина в том, что человек обладал знаниями и применял

11

орудия труда. Если бы люди не обладали знаниями, если бы у них не было орудий, человечество уже давно было бы обречено на смерть»¹².

Здесь уже можно отметить некоторые элементы материалистического понимания истории, хотя и в самом зачаточном состоянии. Безграничная вера мыслителя в знание как силу, способную разрешить внутривнутриполитические и внешние противоречия корейской действительности, превратила его в идеалиста, основоположника новой религии. Это показывает компромиссный характер идей Пак Ын Сика. По своим политическим взглядам Пак Ын Сик был горячим сторонником демократии, противником феодального абсолютизма. В своих произведениях он неоднократно выступал как сторонник буржуазно-республиканского строя. Но в то время, как в целом его взгляды на государство и политику были последовательно демократическими, этого нельзя сказать о системе его идей, которая не отличалась последовательностью. Да иначе и быть не могло. Отстаивая в политическом плане идею народовластия, Пак Ын Сик включал в понятие народа все социальные слои и группы населения. «Государство – это народ, взятый в его единстве и целостности, – писал в связи с этим Пак Ын Сик. – Цивилизация народа – это цивилизация государства, благосостояние народа – благосостояние государства... Государство – это далеко не то же самое, что несколько человек в правительстве, государство – это то, чем совместно обладают двадцать миллионов соотечественников... Если бы каждый представитель нашего народа, до конца выполнил свой общественный долг, свои обязанности, то разве мощь государства дошла бы до такого упадка?»³²

Ограниченность идей Пак Ын Сика в значительной мере является порождением ограниченности его политической практики – общественно-политической деятельности. Подобно многим другим идеологам-просветителям, он ограничил свою деятельность сферой пропаганды

12

научного знания и довольно холодно относился к развернувшейся в то время вооруженной партизанской борьбе Армии справедливости.

Противоречивость системы его идей, разрыв теории с практикой – все это брало свое начало в его буржуазной ограниченности, в основе которой лежала слабость и незрелость корейской национальной буржуазии, выразителем идей которой он был.

Идеологи Просвещения использовали различные виды и жанры литературы в качестве действенной формы выражения своих идей. Основным содержанием этой литературы стали гражданские права и свободы, идеи патриотизма, а не наказанный порок и восторжествовавшая добродетель, не воздаяние за добрые дела, что было главным содержанием различных направлений существовавшей до этого литературы мемуарного толка. Большая часть этих новых произведений была написана на национальном корейском языке и проникла в самые глубины народных масс.

Благодаря активному, действенному характеру своего содержания, реалистической манере изложения и многообразию изобразительных средств произведения этого времени представляют собой ценное литературное наследие прошлого. Создание реалистической литературы, развитие теоретических основ литературного творчества являются заслугой мыслителей-просветителей как с. литературной, так и с эстетической точки зрения. Наряду с развитием теории литературы Пак Ын Сик принял и непосредственное участие в литературном творчестве. «А как велика связь литератора со всем тем, что касается отдельных слоев, уровня просвещения, обычаев, нравов; ему легко воздействовать на чувства людей, затрагивать самые глубины заснувшей души, – писал Пак Ын Сик, давая высокую оценку народному характеру литературных произведений. – По словам одного западного философа, приехав в его страну и узнав, какие литературные произведения имеют наибольшее хождение, вполне можно составить представление о том, каковы настроения населения, нравы и обычаи страны,

какова политическая идеология государства... Поистине велика заслуга писателя»³³.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции во взглядах Пак Ын Сика произошел значительный сдвиг. Он уже начал понимать суть противоречий капитализма, появилась заинтересованность в том, чтобы разобраться в этой проблеме. И хотя он так и не перешел на позиции революционного пролетариата и не смог глубоко усвоить марксистско-ленинское учение, однако после Октябрьской социалистической революции сделал шаг вперед в понимании национальной политики Советского Союза и воспринял марксизм-ленинизм как зарю, осветившую путь национально-освободительного движения в Корее. «О! Цивилизации прошлого находили себе применение во взаимном соперничестве, они не могли стать орудием гуманизма и мира. В борьбе за существование единственным законом было то, что существовать дозволено лишь приспособленным, избранникам бога; сильный выживает, слабый погибает – этот волчий закон, освящавший дарование богом привилегии, признавался в открытую. Так называемые цивилизованные нации, считавшие целью своего существования милитаристскую агрессивную политику, были обеспокоены лишь тем и прилагали все усилия лишь к тому, чтобы сделать наиболее искусное открытие, и все только во имя осуществления своих гнусных замыслов, во имя создания оружия, с помощью которого самым лучшим образом можно убивать людей и захватывать другие страны... А поскольку не может быть вечных, бессмертных вещей, почему же ни к чему не привели старания людей высококонравных, борцов за идею, которые "Оказались не в состоянии найти спасительный выход? Да потому, что хотя творчество ученых и породило идеи всемирного равенства и сосуществования, но до сих пор не было шансов для их практического претворения в жизнь... И вот под красным знаменем, с Коммунистической партией России во главе, свергнут

абсолютизм, свобода и равенство для народа стали явью, провозглашена свобода и самоопределение для всех наций».

Здесь уже видны ростки социалистических идей, зародыш идей интернационализма, которые шли на смену идеологии буржуазного индивидуализма с ее проповедью антагонистических противоречий между людьми, идей, которых он придерживался прежде. Приветствуя претворение в жизнь Коммунистической партией России идей всемирного равенства и сосуществования человечества, Пак Ын Сик выразил свое чувство безграничного уважения к самой теоретической базе этих идей – марксизму-ленинизму.

Выходец из провинциальных дворян, Син Чхэ Хо был крупным историком и мыслителем корейского просветительского движения. Он получил традиционное конфуцианское образование и обладал богатейшими, поистине энциклопедическими познаниями не только в области традиционной идеологии и истории Китая и Японии, но и в области западноевропейской философии. В то время, когда силы иностранного империализма пытались поработить Корею, он широко развернул свою литературно-публицистическую деятельность, основным содержанием которой был протест против посягательств иностранных агрессоров, проповедь идей патриотизма и демократии. После захвата Кореи японским империализмом он эмигрировал в Китай и стал участником антияпонского, антиимпериалистического движения, а впоследствии был схвачен японцами и погиб в тюрьме. В числе его произведений, кроме массы отдельных статей («Мунын сурон»), можно назвать «Сказание о Ли Чхун Му», «Сказание об Ыльчи Мундоке», «Сказание о Чхве До Тхоне», «Историю древней Кореи», «Историю культуры древней Кореи», «Наброски исследования по истории Кореи».

«Летопись обстоятельств борьбы противостоящих сторон в человеческом обществе, борьбы, которая, развиваясь во времени и расширяясь в пространстве во все стороны от своего центра, охватывает все новые сферы, будет летописью обстоятельств, сопутствующих человечеству, если брать этот процесс в масштабах всемирной истории,— писал Син Чхэ Хо в предисловии к своей работе «История древней Кореи», определяя понятие истории.— Если же взять корейскую историю, это будет летопись обстоятельств, сопутствующих жизни корейской нации»³⁵. В данном случае это идеалистический взгляд на историю, которая воспринималась историком и мыслителем лишь как результат, как нечто производное, возникшее в процессе борьбы противоположных сторон национального духа.

И все же Син Чхэ Хо был близок к пониманию необходимости изучения материальных условий жизни общества и выявления их определенных закономерностей для того, чтобы объяснить процесс исторического развития. «Необходимо изучать, — писал он, освещая проблемы корейской истории,— каким образом регулируется уровень населения в зависимости от материальных условий жизни (пища, одежда, жилище), от прогресса земледелия, торговли и промышленности, распределения земельных угодий, денежной системы и других экономических институтов, в зависимости от миграции населения и его естественного прироста, а также от протяженности территории».

И хотя в силу объективных условий социально-экономического развития Кореи своего времени Син Чхэ Хо не мог рассматривать историю с позиций классовой борьбы, все же у него были указания на ведущую роль определенных социальных группировок на отдельных этапах общественного развития. «Тот, кто пишет историю своей страны, должен непременно и с необходимой четкостью выделить те племена, которые являлись вершителями судеб страны, должен сделать их главным предметом своего

исследования. После этого необходимо показать, каким образом проходили подъемы и спады в политической сфере, нарастание и упадок военной мощи, как менялись обычаи и нравы, как строились дипломатические и торговые отношения с другими странами. Об истории можно будет вести речь лишь при условии соблюдения вышеизложенного. Если поступить иначе, история будет лишена одухотворенности. А как можно не опасаться того, что неодухотворенная история породит неодухотворенную нацию, приведет к образованию неодухотворенного государства»¹³.

Несмотря на то что к историческим проблемам Син Чхэ Хо подходил с идеалистических позиций, все же он признавал определенные закономерности исторического развития и пытался на примерах корейской истории определить предмет истории. В общем и целом, движущей силой исторического развития он считал борьбу народа, а причину неравномерности исторического развития усматривал в подъемах и спадах народной борьбы. «История страны, – писал он, – это изложение условий возникновения и гибели наций, обстоятельств их процветания и упадка. Следовательно, вне нации, в отрыве от нее не может быть истории, а если отбросить историю, то и государство не будет уже столь важным в глазах нации. Именно поэтому и велика ответственность историка»¹⁴.

Изучение истории нации Син Чхэ Хо рассматривал как средство воспитания в духе идей патриотизма. Революционная борьба корейского народа против феодализма, его национально-освободительная борьба против японских захватчиков были для него проявлением «национального духа».

Однако его понимание и толкование патриотизма было буржуазным. Син Чхэ Хо говорил, что любви может быть достойна лишь такая страна, такое конституционное государство, которое со своей стороны обеспечивает необходимые гарантии буржуазному индивиду. «Поистине лишь проявление

13

14

преданности к государству, обеспечивающему права народа, является патриотизмом».

Выдвигая свою концепцию патриотизма, он, подобно передовым представителям школы «сирхак», требовал особого внимания к истории своей страны. «Требовать патриотизма, отвлекаясь от истории, – писал Син Чхэ Хо, – равносильно требованию увидеть что-либо закрытыми глазами или идти, отказавшись от ног»¹⁵.

К тому же это было требованием подходить к определению понятия патриотизма с позиций конкретно исторических условий и национальных традиций. И несмотря на то, что его понимание патриотизма является буржуазным по своему характеру, все же в исторических условиях того времени оно было не лишено положительных моментов. Для Син Чхэ Хо история означала прежде всего историю Кореи, которая в свою очередь была проявлением «национального духа».

С подобных же позиций Син Чхэ Хо подходил и к антияпонской партизанской борьбе народных масс, высоко оценивая борьбу Армии справедливости, обосновывая ее патриотический освободительный характер, сравнивая ее с партизанской борьбой широких народных масс в годы имчжинского нашествия японцев. Наряду с этим он восхищался патриотическими вооруженными выступлениями обездоленного люда в государствах Ко-гурё и Пэкче, не нашедшими адекватного отражения в «Самгук саги» – источнике, в котором делалась попытка бросить тень на борьбу народных масс.

Все это было связано с его протестом против конфуцианских исторических концепций, которые, как правило, были пронизаны духом раболепия и подражательства. Вскрывая тот факт, что прежние корейские историографы занимали в своих исторических трудах зависимые,

---

15

пресмыкательские позиции в отношении Китая, Син Чхэ Хо отстаивал необходимость излагать историю с национальных, народных позиций.

Осуждая Ким Чхун Чху, который проводил в жизнь свои политические устремления, опираясь на силу могущественных соседних государств¹⁶, Син Чхэ Хо придерживался того мнения, что восстание Ме Чхона было направлено против северных соседей Кореи и явилось актом национального пробуждения. Историк высоко оценивал северный поход Чхве Ена, считая, что он фактически ознаменовал собой восстановление былых когурёских границ и положил конец дипломатии пресмыкательства, суть которой сводилась к ориентации на зарубежную мощь¹⁷.

Подчеркивая к тому же значение идеологии «хваран» и даосизма как идеологических систем, характерных дл., Кореи, Син Чхэ Хо пытался найти аргументы в пользу того, что и даосизм и институт «хваран» издавна находились в идеологическом арсенале Кореи⁴⁴. Несмотря на то что Син Чхэ Хо так и не смог подняться в силу объективных исторических условий, ограничивавших его мировоззрение, до материалистического понимания истории, его взглядам была присуща определенная прогрессивная направленность. Движущей силой исторического развития он считал народные массы, а не отдельные высокоодаренных личностей. В этом смысле он и с теоретической, и с практической стороны был на голову выше любых других просветителей Кореи.

Другим типичным представителем просветительского движения был корейский лингвист и мыслитель Чу Си Ген. Родился он в деревне. После получения европейского образования возглавил движение за распространение национального корейского языка и унификацию корейской

16

17

национальной письменности, включился в демократическое политическое движение, целью которого была независимость страны. В газетах и журналах

помещались его статьи, имевшие открытую патриотическую и демократическую направленность. Кроме таких работ, как «Звуки речи», «Грамматика и фонетика родного языка», «Грамматика корейского языка», он являлся автором многочисленных политических статей на зло, бу дня.

Чу Си Ген был ведущей фигурой движения за установление национального языка, что представляло собой важнейшее завоевание просветителей в тот период. Требование упорядочения национального языка во имя установления единства языка и письменности было по сути своей буржуазным. Национальная корейская письменность подвергалась всяческой дискриминации со стороны конфуцианства, использовавшего старокитайскую иероглифическую письменность и выражавшего в этой борьбе интересы господствовавших феодальных кругов хотя именно национальная корейская письменность служила средством выражения идейных тенденций бесправных классов. Идеологи-просветители рассматривали развитие движения за установление национальной письменности как орудие воспитания и просвещения народны масс во имя завоевания гражданских прав. Кроме того, изучение национального корейского языка, по замыслам просветителей, представляло собой протест против политических мероприятий в области культуры со стороны агрессивного японского империализма.

Наряду с работой по распространению национального корейского языка, по упрочению его позиций в общенациональных масштабах. Чу Си Ген много сил отдал научной разработке, упорядочению и систематизации грамматики корейского языка. Создавая грамматику корейского языка, он утверждал познаваемость его законов.

«В беспредельно обширной, не имеющей ни низа, ни верха, ни центра, ни края бесконечной Вселенной присутствует наполняющее и все пронизывающее *единое*; оно не возникает и не исчезает, у него нет ни начала, ни конца. Ему обязана своим возникновением каждая из бесчисленных вещей Вселенной,— писал Чу Си Ген, рассматривая законы языка как неизбежные закономерности самодвижущегося «единого». – Согласно единому, вещи обладают своими природными качествами, оно – начало и основа всего сущего. Единое можно назвать естественным законом природы, небом, высшим началом – оно включает все»¹⁸. Тем самым Чу Си Ген выразил уверенность в возможности познания.

Из его же утверждений следует, что это единое, с присущим ему самодвижением, не возникающее и не исчезающее, лишенное начала и конца, не может быть не чем иным, кроме как чем-то материальным. По своей безграничной вере в науку Чу Си Ген был близок к материалистическому мировоззрению, а его достижения в изучении корейского языка явились мощным орудием развития демократических патриотических идей в корейском народе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенная работа по проблеме «Философское просветительство в Корее», позволяет сделать следующие выводы:

1. К середине XIX в. Корею охватило множество внутренних социально-экономических и внешнеполитических проблем и она не была готова вступить в новую капиталистическую эру. Государственная власть ослабла, казна испытывала острый хронический дефицит, усиливались сепаратистские тенденции, росло массовое разорение крестьянства. Социально-экономический кризис усугубился природными катастрофами: наводнениями, неурожаями, вследствие которых страну охватывали голод и эпидемии

2. В Корее первыми проповедниками доктрины Чжу Си стали обучавшиеся в Китае ан Хян и др. Усилиями основателей этой школы - Ли Хвана, Рин Ху и др. за идеологией Чжусианства. были закреплены офиц. статус и монополия в системе образования. С 17 в. позиции Чжусианства. отстаивались в жестком, принимавшем политические. формы соперничестве с идеологич. конкурентами, среди которых видное место занимали апологеты янминизма и школы сирхак, складывавшейся под сильным влиянием "ханьского учения".

С XVI века среди определенной части корейских философов получают распространение субъективно-идеалистические идеи китайского философа Ван Ян-мина. Философская концепция школы основывается на базисном тезисе: "сердце суть "ли"". Ли, традиционно трактовавшееся в неоконфуцианстве как объективное начало, впервые начинает интерпретироваться как нечто, присущее субъекту.

3. В XVIII-XIX веках в Европе получило распространение новое идейное движение, которое отразило борьбу буржуазной демократии против старых устоев феодализма, абсолютизма монархии, господства церковников и

схоластической псевдонауки. Это было движение Просветительства, которое ставило своей целью разьяснить с помощью разума все, что окружает человека, что волнует его, рассеивать тьму невежества светом знаний.

4. Просвещение явилось завершением мощного революционного всплеска, захватившего ведущие страны Запада. Когда влияние просветительских идей стало весьма значительным, в стране активизировали свою деятельность идеологи реакции. Выступив совместно с различными группировками эксплуататорского феодального класса, они сразу же после превращения Кореи в колонию японского империализма встали на путь соглашательства с колонизаторами, на путь прислужничества и национального предательства.

5. Формирование философских и общественно-политических взглядов корейских просветителей осуществлялось под влиянием западного Просвещения, которое представляет собой не только историческую эпоху в развитии европейской культуры, но также мощное идейное течение, основанное на убеждении в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», соответствующего подлинной природе человека и общества.

6. Таким образом просветители Кореи своей деятельностью ускорили процесс развития страны по пути независимости, по пути приобщения ее к современной культуре и превращения в развитое капиталистическое государство. Просветительская идеология в Корее и идеи первых просветителей-реформаторов получили поддержку народа и широкое распространение в стране.

Ни об одной культуре вплоть до Нового времени нельзя было сказать, что стержнем и основой её развития был поиск индивидуальности, стремление уяснить и обосновать независимое достоинство особого индивидуального мнения, вкуса, дарования, образа жизни, то есть самоценность отличия. Получив первые импульсы в итальянском Возрождении, пройдя череду

сложных превращений в XVII веке, лишь в конце эпохи Просвещения эта идея вполне сформировалась и в прошлом столетии стала строить себе дорогу на европейской почве, понемногу утрачивая дерзкую непривычность.

В Корее раннее просветительство развивалось в рамках идейного течения "за реальные знания". Его представители — Пак Че Га, Лю Хён Вон, Ли Ик и др. настаивали на необходимости развивать практически полезные науки и знакомиться с научно-техническими достижениями.

Таким образом, просветительство в Корее имеет большую историю, и оно сыграло значительную роль в прогрессивном развитии этой страны.

Список использованной литературы

1. Работы Президента Республики Узбекистан:

1. Каримов И.А. «Узбекистан по пути углубления экономических реформ»
2. Каримов И.А. «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантия прогресса» –Т.: «Узбекистан», 1997.
3. Каримов И.А. «По пути безопасного стабильного развития». –Т.: «Узбекистан», 1998.
4. Каримов И.А. «Модернизация страны и построение сильного гражданского общества – наш главный приоритет», 2002.
5. Каримов И.А. «Мировой финансово-экономический кризис, и миры по его преодолению в условиях Узбекистана». –Т., 2009.
6. Каримов И.А. «Без исторической памяти нет будущего». –Т.: «Шарк», 1998.
7. Каримов И.А. «Юксак маънавият- энгилмас куч ». – Т.: «Маънавият», 2008.

2. Книги и монографии:

1. В.Хан. Корейская философия –Т., 2004.
2. Ахмедова.М.А, В.С.Хан. “Корея фалсафаси”. –Т., 2009.
3. Мартынов А.С. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии. –М., 1982.
4. История Корейской философии. –М., 1966.
5. Хан В.С., Ким Г.Н. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии. - "International Journal of Central Asian Studies". Vol. 5, Seoul, 2000.
6. Хан В.С., Ким Г.Н. Десять лет спустя (размышления о пройденном пути в корейском движении). - "Ассоциация корейцев Казахстана". Алматы, 2000.

7. Хан В. С. К вопросу о единстве и разнообразии корейских диаспор. - "Корея и философия во втором тысячелетии". Том 2. Сеул, 1999. (на корейском языке).
8. Хан С.М. Возвращаясь к истокам. - Международная конференция «Узбекистан - Корея: научное и культурное сотрудничество». Тезисы докладов. –Т., 2000.
9. Хан Валерий. Мифологические и религиозно-философские представления в эпоху древности и раннефеодальной государственности на Корейском полуострове.
10. Хан Валерий. О состоянии исследований корейской диаспоры Узбекистана.
11. Ванин Ю.В. Феодалная Корея в XIII-XIV веках. -М., 1962.
12. Гарин Н.Г. Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). -М., 1949.
13. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.2. -М., 1975.
14. «Дальний Восток», 1894, 10 июня.
15. Иванова В.И. Просветительство в Корее и творчество Ли Инджика. –В сб.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. - М., 1970.
16. Ионова Ю.В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев. – В сб.: Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. -М., 1970.
17. Ионова Ю.В. Представления корейцев о душе. –В сб.: Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. -М., 1973.
18. М.Аксёнова. Религии мира. –М.: «Аванта+», 1996.
19. Словарь буддиста. –М.: «Просвещение», 1992.
20. Мартынов А.С. Буддизм и конфуцианцы. –М., 1982
21. Г.Д.Тягай Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. – М., 1986

22. Ким Герман. История религий в Кореи. – Алматы, 2001

23. Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М., 1982

3. Журналы:

1. Вольский А.А. Хайдегер и поэзия: словесное творчество бытия//Вопросы философии. 2006 №11 с 171-176
2. Васильев А.М. “Азия и Африка”, 2008 г
3. Гадамер Х.Т. Философия и литература //Философские науки. 1989, №2 с 22-28
4. Соловьёва В.Г. Герменевтика: шаг к Востоку//Известия Министерства науки и АН РК. 1997 г, №3 11-14
5. Розин В.М. Диалог культур в глобализирующемся мире//Вопросы философии, 2007. №6, с 172-175

4. Научные сборники материалов конференций:

1. Горенкова А.П., Фурер С. – Идеал человека в философско-религиозных учениях Кореи.
2. Адылов М.Э. – Шарк уйгониш даври мутафаккирларнинг адолатли ва фозил жамият хакидаги карашлари.
3. Горенкова А.П. – Формирование креативного мышления студентов в изучении Восточной философии.
4. Иззетова З.М. – Когнитивно-аксиологическая проблема развития знания в философии Востока.

5. Материалы из Интернета:

1. Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. <http://www.geocities.com>
2. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая: философия древности и средневековья. М., 1995. <http://www.persialand.ru>

3. Степанянц М.Т. Восточная философия. М., 1997. Полиэстр металлочерепица качественно и в срок <http://www.meshrep.com>
4. Новикова Т. А., Иващенко Н. В. Учебник корейского языка www.proteus2001.narod.ru
5. Философия и религия на зарубежном Востоке XX век. М., 1985. <http://rapidshare.com>
6. Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. М., 1979. <http://www.peoples.ru>
7. Степанянц М.Т. Восточная философия. М., 1997. <http://korea.narod.ru/zkorea/02/science.htm>
8. Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. http://world.lib.ru/k/kim_o_i/vbn2rtf.shtml
9. С.О. Курбанова "ИСТОРИЯ КОРЕИ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА". <http://www.okoree.ru/zapiski/165-shkoly-staroj-korei.html>
10. Тихонов В. М. История Кореи. <http://bhoga.ru/article/129/neo-con>
11. Пак М. Н. История и историография Кореи. Избранные труды. <http://www.dragomanrient.com/creativity.php3?cid=6824745150748ef9dc0810cee6d923b0>

6. Материалы на иностранном языке:

1. Nahm, Andrew C. (1996). *Korea: A history of the Korean people (2nd ed.)*. Seoul: Hollym.
2. "[Korean Buddhism](#) " *Seoul Times*, 2006; "[Buddhist Art of Korea](#) ," Kim Chon Sok
3. Mark Peterson, "Three Kingdoms, Koryo Dynasty, and Chosun Dynasty" 2009.